

Материалы по истории
чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери
и Костромского кремля в начале XX века
(1901–1917)

От автора. В данной статье, как и в опубликованной ранее [подборке материалов по XIX веку](#), приводятся в хронологическом порядке тексты из различных источников, собранные автором для написания книги о Феодоровской иконе Пресвятой Богородицы.

Все даты в тексте приводятся по старому стилю, сокращения раскрываются без дополнительных оговорок или (при их возможной неоднозначности) посредством квадратных скобок, пояснения автора выделены квадратными скобками. Цитирование производится преимущественно в согласии с современными нормами орфографии и пунктуации.

Начало XX века стало временем проявления особого интереса различных слоев российского общества к истории чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери и к связанным с ней темам – в частности, к истории Костромского кремля и его Успенского собора. Конечно, немалую роль в этом сыграл грядущий (в 1913 году) юбилей 300-летия царствования Дома Романовых, однако внимание общественности к прошлому костромской святыни отнюдь не ограничивалось временем после 1613 года. И символичным видится то, что новый XX век начался с весьма неординарного события – установления в Костроме особого гражданского праздника 16 августа, в день явления чудотворного образа на Запрудне князю Василию Ярославичу (напомним, что в то время с церковной точки зрения данное празднование было скорее местнотимым и по всем параметрам уступало торжеству 14 марта, установленному в память воцарения Михаила Феодоровича Романова).

Еще в 1900 году, на исходе XIX столетия, Костромская городская дума выступила с инициативой: установить 16 августа, в праздник явления Феодоровской иконы Божией Матери, в городе Костроме неприсутственный день – то есть по сути гражданский праздник, выходной день для государственных учреждений и учебных заведений. Костромской губернатор, основываясь на ходатайстве думцев, направил два представления по этому поводу министру внутренних дел в Санкт-Петербург, и началось движение бумаг по ведомствам. Министерство внутренних дел затребовало отзывы по этому предложению от министерства народного просвещения, министерства юстиции и от Святейшего Синода. 26 января 1901 года Синод принял по данному поводу определение за № 338, высочайше утвержденное 7 февраля:

«Обсудив ходатайство Костромской городской думы об установлении в городе Костроме 16 августа, в праздник явления Феодоровской иконы Божией Матери, неприсутственного дня, Святейший Синод определяет: предоставить г[-ну] синодальному обер-прокурору уведомить министра внутренних дел, что со стороны Святейшего Синода не встречается препятствий к удовлетворению вышеизъясненного ходатайства Костромской городской думы» [1].

Впрочем, итоговое обсуждение этого вопроса состоялось лишь в октябре. 16 октября 1901 года на заседании комитета министров было заслушано представление:

«Об установлении – согласно с отзывами министров народного просвещения и юстиции, а

также и обер-прокурора Святейшего Синода – в городе Костроме 16 августа, в день явления чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери, чтимой в названном городе с особым усердием, неприсутственного дня» [2].

Комитет министров решил (обращаясь к императору):

«Испросить высочайшее Вашего императорского величества соизволение на установление в городе Костроме ежегодно, в день явления чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери – 16 августа, наряду с церковным и гражданским праздником, в который присутственные места освобождались бы от служебных занятий, а училища от учения» [3].

30 октября 1901 года император Николай II наложил на соответствующем журнале заседания комитета министров резолюцию «Согласен» [4], и тем самым вопрос был разрешен окончательно. Святейший Синод определением от 14–31 декабря 1901 года за № 5145 распорядился уведомить о состоявшемся высочайшем соизволении епископа Костромского и Галичского Виссариона (Нечаева) [5], и уже третий номер (от 1 февраля) «Костромских епархиальных ведомостей» 1902 года открывался текстом синодального указа:

«По указу Его императорского величества, Святейший Правительствующий Синод слушали: предложение г[-на] синодального обер-прокурора от 29 ноября 1901 года № 8432 о том, что государь император, согласно положению комитета министров, в 30-й день октября 1901 года высочайше повелеть соизволил установить в городе Костроме ежегодно, в день явления чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери 16 августа, наряду с церковным и гражданским праздником, в который присутственные места освобождаются от служебных занятий, а училища от учения. Приказали: Об изъясненном в настоящем предложении высочайшем соизволении уведомить Ваше преосвященство указом, а в канцелярию обер-прокурора Святейшего Синода передать выписку из сего определения. Января 4 дня 1902 года» [6].

Так празднование 16 августа обрело в Костроме особый статус – можно сказать, подчеркивающий древность чудотворного образа и напоминающий: слава Феодоровской иконы непосредственно связана с историей царского Дома, но рамками этой истории не ограничивается.

В том же 1901 году в пятом выпуске сборника историко-краеведческих работ «Костромская старина», издававшемся Костромской губернской ученой архивной комиссией, было опубликовано исследование костромского священника Василия Соколова «Описание и критический разбор рукописей, имеющих в библиотеке Костромской ученой архивной комиссии и содержащих службу и сказания о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери» [7]. Автор статьи описывал и анализировал три списка Сказания, содержащих текст его пространной редакции. Несомненной заслугой отца Василия было то, что он обратил внимание на связь Сказания со старинной службой чудотворной Феодоровской иконе (той, что в современных изданиях богослужебных миней публикуется под 16/29 августа). Однако мнение отца Василия о возможном времени создания этой службы – «не ранее 1275 и не позднее 1480 года» [8] – надо полагать ошибочным. О.Н. Радева отмечает:

«Интересным вопросом, на который обратил внимание В.А. Соколов, является проблема связи Сказания о явлении и чудесах со службой Феодоровской иконе. Но выводы исследователя о времени появления самой древней службы явлению в Костроме Феодоровской иконы представляются маловероятными. В частности, он заключает, что эта служба была составлена вскоре после перенесения иконы в XIII веке, что ее автор и автор древней службы Владимирской иконе Богородицы близки и тексты служб двум богородичным иконам родственны. В датировке написания службы, а значит и в выводе, что именно служба стала основой Сказания, В.А. Соколов явно ошибся. (...) Работа В.А. Соколова представляет ценность с точки зрения методологии, так как сравнение

нескольких списков Сказания и службы позволяет ответить на вопросы о принципах распространения книжных памятников, о их литературных и книжных особенностях» [9].

В 1903 году Святейший Синод вновь рассматривал вопрос о перенесении срока отбытия чудотворной Феодоровской иконы из Костромы при ее ежегодном путешествии в Галич и Буй. 29 января 1903 года епископ Костромской и Галичский Виссарион (Нечаев) направил в Синод представление, в котором говорилось:

«В настоящее время прихожане и причты находящиеся близ города Буя сел Контеево, Воскресенского на Кореге и Георгиевского, что на реке Костроме, обратились к епархиальному начальству с просьбой о разрешении им на будущее время, по прибытии в город Буй, чудотворную Феодоровскую икону Божией Матери принимать в свои приходские храмы, для чего потребуется времени не более двух дней.

Местный причт костромского кафедрального собора удовлетворение изложенного ходатайства прихожан и причтов сел Контеево, Воскресенского на Кореге и Георгиевского на Костроме находит возможным, если только будет разрешено изнесение св[ятой] иконы из города Костромы совершать не в пятницу, а в среду на третьей неделе по Пасхе, не удлиняя времени пребывания святыни в пути.

Не имея со стороны епархиального начальства препятствий к удовлетворению благочестивого желания и просьбы прихожан сел Контеево, Воскресенского на Кореге и Георгиевского на реке Костроме, согласно мнению причта кафедрального собора и заключению консистории, имею долг почтительнейше ходатайствовать пред Святейшим Правительствующим Синодом о разрешении находящуюся в костромском кафедральном соборе св[ятую] чудотворную Феодоровскую икону Божией Матери износить в города Галич и Буй не в пятницу, а в среду на третьей неделе по Святой Пасхе» [10].

Святейший Синод удовлетворил это ходатайство определением от 6–17 марта 1903 года за № 1149, о чем в Кострому был послан синодальный указ (от 20 марта 1903 года за № 2436). В указе говорилось:

«По вниманию к благочестивому усердию прихожан сел Контеево, Воскресенского на Кореге и Георгиевского, что на реке Костроме, и согласно ходатайству Вашего преосвященства Святейший Синод определяет: разрешить износить Феодоровскую икону Божией Матери из города Костромы в города Галич и Буй в среду третьей недели по Пасхе для предоставления прихожанам вышеупомянутых сел возможности принимать названную икону, по прибытии оной в город Буй, в свои приходские храмы, с тем, однако, чтобы святая икона была приносима обратно в город Кострому накануне праздника Святой Пятидесятницы» [11].

Впрочем, как мы видим из публиковавшейся в епархиальном журнале хроники церковных событий, уже в следующем, 1904 году (и далее ежегодно) чудотворную икону стали износить из Костромы в Галич еще на три дня раньше, в саму неделю жен-мироносиц (воскресенье). Судя по всему, это изменение также согласовывалось со Святейшим Синодом: в синодальном деле 1903 года (на которое мы ссылались выше) в рукописный текст определения от 6–17 марта (на основании которого издавался указ от 20 марта) внесена карандашная правка, как будто текст определения впоследствии собирались пересмотреть. С учетом этой правки текст выглядит так:

«По вниманию к благочестивому усердию обывателей города Галича и согласно ходатайству преосвященного Костромского, Святейший Синод определяет: разрешить износить Феодоровскую икону Божией Матери из города Костромы в города Галич и Буй вместо среды недели святых жен-мироносиц в самую неделю жен-мироносиц для предоставления возможности продлить срок пребывания означенной иконы в городе Галиче на два лишних дня, с тем чтобы святая икона была

приносима обратно из города Галича чрез Буй в город Кострому накануне праздника Святой Пятидесятницы к 2 часам пополудни» [12].

По такому расписанию – с недели жен-мироносиц до Троицкой родительской субботы – перенесение святыни в Галич и Буй совершалось и в последующие годы.

В 1903 году началась история постройки в Костроме, близ соборного ансамбля, памятника в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых. Однако первая попытка инициировать такой процесс не имела последствий.

«В 1903 году в Костромской городской думе решался вопрос о будущем праздновании 300-летия царствующей династии, в котором Кострома должна была принять особое участие. Думцы сочли, что самым удачным было бы сооружение памятника на берегу Волги, на месте бывшего кремля, где в XVII веке находился осадный двор бояр Романовых. Предложение костромичей было одобрено великим князем Сергеем Александровичем, который намеревался сообщить об этом императору. По какой-то причине сразу доклад не состоялся, затем началась русско-японская война, революция. Вопрос о постройке памятника в Костроме был отложен» [13].

20 декабря 1903 года Костромская духовная консистория утвердила устав общества хоругвеносцев при Успенском кафедральном соборе; день 23 декабря 1903 года (когда это определение консистории утвердил епископ Виссарион) стал днем официального создания общества. Но его история, как отмечал настоятель кафедрального собора протоиерей Иоанн Сырцов, в действительности началась ранее.

«Образовалось это общество и начало трудиться на пользу Церкви и своих сограждан несколькими годами раньше. Правда, тогда оно представляло небольшой кружок любителей ношения в церковных процессиях хоругвей и икон, кружок, составившийся из простых, но благочестивых мелких торговцев, ремесленников, извозчиков и подгородных крестьян. Тем не менее этот небольшой кружок был уже на пути к образованию настоящего общества и делал уже то, что делает теперешнее общество. Он обязательно являлся в костромской собор, в Ипатьевский монастырь и в городские храмы к каждому крестному ходу и принимал самое живое участие в чинном совершении духовных процессий по городу, ходил в процессии с хоругвями и иконами на своих плечах и за город до Ипатьевского и даже Песошенского (за 18 верст) монастыря. Про этих тружеников добровольных тогда никто почти не знал, да и знать не мог: на них смотрели как на обыкновенных любителей духовных процессий, жертвующих, к славе Божией, своими силами. Между тем эти мелкие торговцы, фабричные рабочие, извозчики и крестьяне, богатые только духом благочестия и усердием к храму Божию, не ограничиваясь крестоношением, икононошением, собирали между собою пятаки и на эти лепты устраивали к любимым храмам, особенно тем, где стоят особенно чтимые святые иконы, каковы Успенский собор с Феодоровской иконой, Ипатьевский монастырь с Тихвинской иконой и Песошенский монастырь с Смоленской иконой Божией Матери, – в эти храмы они устраивали новые хоругви, киоты для икон, носилки, помочи и тому подобное – словом, всячески заботились о том, чтобы установленные церковные процессии по городу и за город совершались чинно и при обстановке, достойной святости дела. Свидетельством такого усердия хоругвеносцев к храмам Божиим до открытия в конце 1903 года общества служат пожертвованные ими хоругви в Успенском соборе, Ипатьевском и Песошенском монастырях, употребляемые обязательно во всех крестных ходах» [14].

После своего официального создания общество хоругвеносцев (в число учредителей которого вошли костромской городской голова Геннадий Николаевич Ботников и церковный староста Успенского кафедрального собора купец Александр Онуфриевич Днепров) заказало для своих членов 40 форменных кафтанов из темно-синего сукна с серебряными галунами, кантами и кистями, приобрело для кафедрального собора дорогие металлические хоругви в стиле XVII века. Основной же

заботой членов общества оставалась помощь в организации крестных ходов.

«Они считают своей священной обязанностью являться к крестным ходам в те храмы, из которых ходы предполагаются, и, облекшись в форменные кафтаны, разбирают хоругви и иконы и носят их по городу и за город целые часы; они поддерживают в храмах и процессиях порядок, руководствуясь указанием настоятелей церквей и монастырей; они наблюдают во время процессий за целостью и неприкосновенностью священных предметов, взятых из храмов. Словом, хлопочут о том, чтобы крестные ходы совершались так, как прилично святому делу» [15].

В 1904 году в кафедральных соборах Костромского кремля проводились работы по позолоте: «Все главы обоих соборных храмов, верх и шпиг колокольни и кресты на главах и колокольном шпиге в 1904 году вызолочены червонным золотом» [16]. А в 1905 году в шестом выпуске сборника «Костромская старина» была опубликована работа И.В. Баженова «Костромской кремль. Историко-археологический очерк» – и поныне являющаяся, если можно так сказать, классическим сочинением по истории кремля. Впрочем, Иван Васильевич понимал всю трудность такого исследования и во вступительной части очерка предупреждал читателя:

«... при всем желании автора в деталях воспроизвести дорогую родную старину, зорким оком проникнуть сквозь густую вуаль веков и событий вглубь минувших судеб и особенно же в начальном периоде осветить их, предлежащий труд не может претендовать на изображение полной истории Костромского кремля. Автор делает попытку представить лишь общий историко-археологический очерк кремля, а такой не может оказаться без пробелов» [17].

В том же 1905 году очерк И.В. Баженова «Костромской кремль» был напечатан отдельным изданием. Однако в целом в те годы сочинений И.В. Баженова публиковалось весьма немного – видимо, потому, что Иван Васильевич завершал работу над своей магистерской диссертацией, посвященной Евангелию от Иоанна. Лишь после защиты диссертации (в 1907 году) он активно занялся научно-краеведческой деятельностью, в том числе связанной с историей Феодоровской иконы Божией Матери и Костромского кремля.

Другим церковным ученым и духовным писателем, труды которого в начале XX века непосредственно относились к Успенскому кафедральному собору Костромы и его главной святыне, был настоятель собора протоиерей Иоанн Сырцов. В 1905–1906 годах он опубликовал в «Костромских епархиальных ведомостях» цикл очерков о перенесении чудотворной Феодоровской иконы в Галич в 1904 году. Эти записки отца Иоанна (который сам сопровождал икону в ее путешествии) содержат много интересных деталей из церковной и народной жизни того времени. Приведем здесь фрагмент его статьи «По пути из Костромы до Галича с Феодоровской чудотворной иконой Божией Матери».

«В 1904 году мне пришлось лично сопровождать Феодоровскую икону Божией Матери из Костромы в город Галич и обратно. Путешествие продолжалось больше месяца (с 11 апреля по 15 мая). Пришлось побывать с иконой в трех городах: Судиславле, Галиче и Буе, в 23-х селах и в многочисленных попутных деревнях. Всюду прибытие чудотворной иконы возбуждало в народе необыкновенный религиозный энтузиазм. Обычный день превращался в день праздничный. По-праздничному одетый народ, оставив домашний труд, спешил в храм на молитву и принимал святую икону в свои дома. Посторонний наблюдатель при виде столь сильной народной веры и религиозного возбуждения, вызываемых появлением чудотворной иконы, сам может весьма многому поучиться у простого народа. Во всяком случае, на нас это проявление народной веры всюду производило глубокое и неотразимое впечатление.

Главная цель путешествия святой Феодоровской иконы – это посещение Галича; прочие города, села и деревни посещались только потому, что расположены на пути следования иконы.

Поэтому икона остается в попутных городах не больше двух–трех дней, в селах не больше суток, а иногда и меньше, в деревнях же не остается и на день, ограничивая свое посещение лишь несколькими часами. Между тем в городе Галиче она остается больше двух недель (18 дней). (...)

Независимо от совершения особого богослужения в местных храмах, где святая икона остается на ночь, во всех городах, селах и деревнях обязательно совершаются по домам жителей частные молебны. Не остается ни в городе, ни в селе, ни в деревне ни один обывательский дом, где бы не была принята святая икона, где бы не был совершен молебен, часто с водоосвящением, иногда и с акафистом Феодоровской иконе. В этом заключается главный и весьма нелегкий труд соборного причта, сопровождающего святую икону. В течение одного дня приходится побывать иногда в нескольких селах и в десяти и больше деревнях и совершить до сотни молебнов. Всего же за время путешествия иконы в Галич и обратно в течение месяца совершается от 3 ½ до 4 тысяч молебнов, не считая больших служб.

Длинные проезды от деревни до деревни, села или города икона обыкновенно сопровождается в карете, заложеной четверней. В карете с иконой неотложно пребывают в священном облачении соборный протоиерей или иерей и диакон. Впереди кареты в особом экипаже предшествует местный становой пристав; позади сопровождает местный благочинный.

Приближаясь к любой деревне, вы замечаете массу деревенского населения, вышедшего на встречу святой иконы далеко за деревню и частью бегущего вперед, чтобы поскорее удостоиться взглянуть на икону чрез открытые дверцы кареты. Молодые женщины, девицы, парни и дети, встретив икону за версту и больше от своего селения, большими толпами бегут затем обратно по обеим сторонам кареты, по вспаханым полям, иногда по грязи, не отставая и даже опережая карету. Приходилось видеть, как деревенская здоровая, веселая и нарядная молодежь пробегала за иконой расстояние в несколько верст от одной деревни до другой, постоянно заглядывая в карету и осеняя себя крестным знаменем.

С приближением к деревне вся масса собравшегося народа преклоняется пред иконой, многие до земли. Поднявшись, затем все бросаются к иконе, желая если не облобызать, то по крайней мере прикоснуться к ней и, особенно, понести по деревне.

Несут икону прежде всего на особо уготованное среди деревни место, где совершается пред ней общий для всей деревни молебен с водоосвящением. Молебен заканчивается лобызанием святого образа от всех собравшихся и молившихся. Но прежде, нежели будет начат обход с иконой по домам, требуется еще пронести икону над головами грудных детей. С этой целью матери со своими детьми усаживаются вдоль улицы на корточки целой вереницей; дети обычно поднимают рев на всю деревню, матери баюкают, немилосердно трясут их, стараясь в то же время усесться поудобнее. Наконец икона прошла над самыми головами матерей с детьми. Матери довольны, веруя, что их с детьми осенила небесной благодатью и благословила Сама Матерь Божия, дети успокоились...

Начинается по порядку обхождение домов. Икону наперерыв берутся нести деревенские обыватели, сменяя друг друга. Все население провожает икону от дома до дома и, не имея возможности за множеством зайти в самый дом, стоит около дома, пока совершается в доме молебен.

В каждом доме вы видите накрытый к приходу святой иконы чистой скатертью стол, на столе каравай хлеба с солонкой, в переднем углу пред образами возжженные лампы и свечи, под образами кадка с житом. Вся семья налицо; слезли для молитвы с печи и полатей немощные старики и старухи, в редких, только в чрезвычайных случаях оставляющие свой старческий одр. В заключение молитвы семья снова лобызает святую икону, хозяйки обтирают лик Божией Матери ватой и вату берут себе как святыню, исцеляющую от недугов; при выносе из дома матери с детьми снова стараются присесть под икону, чтоб она прошла еще раз над их головами.

Таков общий порядок принятия святой иконы во всех деревнях, где нам только приходилось быть, – порядок, наглядно свидетельствующий о простой, но пламенной, сердечной, глубокой, непоколебимой вере людей простых, почти еще не тронутых современной разрушительной светской цивилизацией» [18].

Отметим, что и в самой Костроме церковные шествия с чудотворной иконой совершались по-прежнему очень торжественно. Вот, например, как описывали «Костромские епархиальные ведомости» (в заметке без указания имени автора) генеральный крестный ход 19 июня 1905 года – первый из трех воскресных. Это время примечательно тем, что в Костромской епархии тогда не было своих архиереев: епископ Костромской и Галичский Виссарион (Нечаев) незадолго до того отошел ко Господу, вслед за ним скончался викарный епископ Кинешемский Вениамин (Платонов), а новых архипастырей на их места назначить еще не успели.

«В нынешнем году в первый раз, кажется, за все время существования нашей епархии осиротевшая Костромская церковь встречала это церковное торжество без своего архипастыря. Пред началом поздней литургии принесены были в собор из приходских церквей наиболее чтимые иконы. Литургию совершал отец ректор семинарии архимандрит Николай в сослужении отца кафедрального протоиерея и духовника семинарии. По окончании службы процессия во главе с архимандритом Николаем и отцом протоиереем И. Сырцовым при торжественном колокольном звоне двинулась по набережной реки Волги, по направлению к церкви св[ятителя] Стефана Сурожского; отсюда, повернувши влево, вступила в самый город и, выйдя на Русину улицу, мимо Ильинской церкви прошла к собору. Величественная картина открылась взору, когда крестный ход поднимался на гору. От церкви св[ятителя] Стефана идет довольно высокий и широкий подъем до города, который тянется на большое расстояние. Стройно, в глубоком молчании шли народные толпы; как бы некий могучий поток плавно катил свои волны. Посреди народной массы, возвышаясь над нею, шествовали святыни, столь близкие, дорогие сердцу костромичей: Феодоровская икона Божией Матери, Спас Нерукотворенный, Смоленская икона Царицы Небесной и другие. (...) По заведенному истари обычаю, настоятели церквей, мимо которых святыни проносятся, встречают крестный ход в облачении возле своих храмов и подносят честный крест для лобызания первенствующему священнослужителю. Краткие молебствия отслужены были у церкви Вознесения, у Стефановской, тюремной и Ильинской церквей. На дворе здания губернской тюрьмы выстроены были арестанты (числом до 50). С умиленной душой и сокрушенным сердцем выслушали они молебное пение; охотно подошли ко святому кресту и приняли окропление святой водой. Чувствовалось, что это еще не потерянные люди, что они еще способны воспринимать благодатные утешения. Непрерывный колокольный звон, пение священников, вид святынь, общее соревнование в благочестивом усердии к несению их – все это возвышало дух, поддерживало благоговейно-молитвенное настроение у всех участвовавших, и много-много воздыханий вознеслось ко Господу, много сердечных прошений излилось, да утвердит Господь христианские нравы в нашем граде, да спасет Россию от всех зол. Общее число богомольцев, по исчислению полиции, доходило до 25 тысяч человек» [19].

В 1908 году в №№ 10 и 11 «Костромских епархиальных ведомостей» была опубликована статья протоиерея Иоанна Сырцова «Стенная живопись в костромском Успенском кафедральном соборе». В этой работе подробно, детально описываются росписи самого собора, примыкавшей к нему (с восточной и южной сторон – при том, что собор был обращен алтарем на север) галереи и придела во имя великомученика Феодора Стратилата. Такие сведения представляют особую ценность сейчас, когда мы готовимся к воссозданию Успенского собора.

Среди росписей стен галереи можно выделить те, которые непосредственно относились к чудотворной Феодоровской иконе Богородицы. С восточной стороны в галерее на стене самого собора в три яруса располагались изображения, посвященные явлению и чудесам образа Царицы Небесной. Отец Иоанн описывал их так:

- «1. Святой великомученик Феодор Стратилат в день Успения носит икону по городу Костроме.
2. Костромской князь Василий Квашня 16 августа, будучи на охоте в лесу, видит святую икону на сосне в небесном сиянии.
3. Князь Василий стоит перед иконой на коленях и молится, намереваясь взять ее и унести в Кострому.
4. Перед новоявленной иконой молятся костромское духовенство и множество народа, пришедшие с намерением взять и унести икону в Кострому.
5. Икона уже в Костроме в храме святого Феодора Стратилата; перед ней костромичи усердно молятся.
6. Пожар в храме Феодора Стратилата.
7. Обретение иконы на третий день после пожара, в пепле.
8. Выход с иконой из Костромы против нашествия татар.
9. Битва с татарами за рекой Костромой у Святого озера.
10. Новый пожар в храме Феодора Стратилата, во время которого икона поднялась на воздух и таким образом была спасена.

Далее идут исцеления от иконы:

11. Исцеление юноши Моисея в храме Божиим пред обновленным образом (в 1636 году), после молебствия, от падучей болезни.
12. Исцеление некоей женщины Антонида от слепоты.
13. Исцеление некоей женщины Ирины от беснования.
14. Исцеление некоей девицы Параскевы от слепоты.
15. Исцеление некоего посадского человека Иосифа от черной немочи.
16. Исцеление отрока Иоанна от новолуночного недуга (лунатизма).
17. Исцеление некоей женщины Татианы, одержимой галичной кликоткой, порчей.
18. Исцеление расслабленной девицы Фотины.
19. Исцеление отрока Герасима.
20. Исцеление женщины Матроны, имевшей расслабленной правую руку.
21. Исцеление неизвестной женщины» [20].

В южной части галереи на внешней стороне (то есть на стене, не прилегающей к зданию самого собора) нижний ярус картин изображал призвание Михаила Феодоровича на царство.

«1. Торжественное шествие из Костромы в Ипатьевский монастырь архиепископа Феодорита во главе архимандритов, костромского духовенства, бояр и бесчисленного множества народа, с иконами и хоругвями, для приглашения Михаила Феодоровича на царство.

2. Встреча с Михаилом Феодоровичем и матерью его в Троицком монастырском соборе и упрашивание его принять царский скипетр.

3. Копия с послания от московской думы к Михаилу Феодоровичу с извещением об избрании его на царство. На стене славянский текст в золотой кайме.

4. Михаил Феодорович в Троицком монастырском соборе восседает на царском троне уже как нареченный царь» [21].

В статье отца Иоанна приводились и сведения об истории самой росписи галереи собора:

«Расписана галерея вся снизу доверху, не исключая и свода, в 1788 году на средства благотворителя купца Афанасия Андреевича Ашастина и жены его Марьи Федоровны, ярославскими мастерами Дмитрием и Петром Иконниковыми, и в 1854 году подновлена на средства купца Филиппа Михайловича Солодовникова мастером Александром Сапожниковым (надпись в клейме на стене за стойкой старосты)» [22].

Интересно отметить, что в данной статье протоиерей Иоанн Сырцов говорит о явлении чудотворной иконы в Костроме в 1239 году – однако в следующих своих работах, опубликованных в том же 1908 году, он отказывается от этого ошибочного мнения, указывая на явление образа князю Василию в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов XIII века. Видимо, изучение стеновых

росписей собора побудило отца Иоанна углубленно заняться историей костромской святыни, и уже вскоре в Костроме вышел из печати отдельным изданием его очерк «Сказание о Феодоровской чудотворной иконе Божией Матери, что в городе Костроме» [23]. Название брошюры не случайно: основу ее содержания составил пересказ пространной редакции Сказания, выполненный современным языком. Но в очерке нашлось место и для дополнительных сведений – о почитании Церковью Божией Матери и Ее икон в целом, об украшениях костромского чудотворного образа и об установленных в его честь празднествах, о почитании Феодоровской иконы царем Михаилом Феодоровичем и о ежегодном перенесении ее в Галич, об истории Костромского кремля и Спасо-Запрудненского монастыря. Отдельно рассматривается вопрос о времени явления иконы в Костроме, и автором делается вывод:

«Таким образом, не будет большой ошибки, если мы явление святой иконы в Костроме отнесем к 50-м или к началу 60-х годов XIII столетия, когда костромской князь Василий Ярославич был еще простым удельным князем» [24].

Наконец, в том же 1908 году в «Костромских епархиальных ведомостях» началась публикация большого сочинения протоиерея Иоанна Сырцова под названием «Костромской Успенский кафедральный собор». Судя по напечатанным первым главам (история собора до XVII столетия и собор в XVII–XVIII веках, до пожара 1773 года), автор имел целью собрать воедино всю имеющуюся информацию о прошлом древнего храма, в том числе и из церковных архивов, и написать на ее основе, как бы сказали сейчас, не столько специфически научную работу, сколько научно-популярный очерк. Как и другие исследователи того времени, отец Иоанн полагал, что Успенский собор был построен в камне при князе Василии Ярославиче в XIII веке – но при этом свое мнение о времени явления чудотворной иконы в Костроме он уже не менял.

«Князь Василий Ярославич родился и стал костромским удельным князем в 1241 году. Икона явилась ему уже взрослому, когда он был уже в состоянии править княжеством сам, когда мог охотиться за зверями – словом, когда ему было по меньшей мере 15–20 лет. Следовательно, икона явилась около 1255–1260 года. (...)

Мы готовы заключить, что князь Василий Ярославич действительно успел еще до своей кончины закончить постройку Успенского собора и лично перенести в новопостроенный собор из деревянного Феодоровского собора чудотворную Феодоровскую икону, как гласит предание» [25].

Сочинение отца Иоанна могло бы стать интересным и всесторонним исследованием истории Успенского собора, однако завершить его автору не удалось. В №№ 19–23 епархиального журнала были опубликованы главы очерка, содержащие сведения о соборе до пожара 1773 года включительно [26], затем печать очерка прервалась, а в 1909 году протоиерей Иоанн Сырцов покинул Кострому и перешел на службу в Вятскую епархию. Причиной тому стали проблемы в распоряжении средствами кафедрального собора, выявленные церковной властью. Мы не можем сказать, что отец Иоанн был их прямым виновником; из опубликованного в «Костромских епархиальных ведомостях» указа Святейшего Синода от 3 июня 1909 года следует, что к маю 1909 года у собора накопилось 7734 рубля долгов, епархиальное начальство озаботилось этим вопросом еще в ноябре 1908 года, а 25–27 апреля 1909 года имущественное состояние собора обследовал приехавший из Санкт-Петербурга с ревизией обер-секретарь Святейшего Синода действительный статский советник Исполатов [27]. Судя по указу, материально ответственным за проблемы считался соборный староста купец Днепров, однако епархиальные власти признали отца Иоанна Сырцова несоответствующим должности настоятеля собора – что и стало причиной его переезда в Вятскую губернию. Уже оттуда отец Иоанн пытался обжаловать решение епархиальной власти в Синоде, но безуспешно [28]. Так, к сожалению, закончились его труды по исследованию истории Успенского кафедрального собора и чудотворной Феодоровской иконы.

Не исключено, что материальные проблемы кафедрального собора были связаны с проводившимися здесь в 1908 году масштабными ремонтными работами. Впрочем, в извещении об этом ремонте, опубликованном в ноябре 1908 года в «Костромских епархиальных ведомостях», говорилось, что для благоустройства собора летом 1908 года было собрано 3185 рублей пожертвований, а перерасход средств составил чуть более 300 рублей.

«Все эти деньги [пожертвования – М.Ф.] употреблены на полное обновление соборов Успенского летнего и Богоявленского зимнего, соборной ограды и некоторых соборных домов. Соборы и прочие здания с внешней стороны сверху донизу заново выбелены, крыши их выкрашены медянкой, главки на святых воротах и на двух башнях позолочены, башни окрашены бархателю с наложением золотых звезд; оградная стена вся выбелена, решетки ее выкрашены медянкой, главки на столбах оградных выкрашены синей краской. Внутри соборов стены, иконостасы и полы протерты, очищены, поправлены, рамы оконные выкрашены; фронтоны, шкафы разделаны и покрыты лаком; множество подсвечников и лампад и сень над мощами Печерских чудотворцев высеребрены. Ремонт был настолько сложный, что потребовал даже денег больше на 300 с лишком рублей, чем собрано. Зато соборы теперь выглядят как новые» [29].

Несколько ранее, в сентябре 1908 года, епархиальный журнал перепечатал заметку из газеты «Киевлянин» (судя по всему, № 192 за 1908 год), в которой рассказывалось о чудотворении от списка с чудотворной Феодоровской иконы Богоматери в женском монастыре Таврической губернии.

«Газета "Киевлянин" со слов газеты "Набат" передает о следующем чудесном исцелении от Феодоровской иконы Божией Матери.

Недавно в Алешках Таврической губернии распространилась весть об исцелении от Феодоровской чудотворной иконы Божией Матери, копия с которой находится в алешковском Успенском девичьем монастыре. Расследованием установлено следующее. 12 июня в названный монастырь прибыл крестьянин Воронежской губернии Т. Зеленин, который, служа в 55 пехотном Подольском полку, участвовал в войне против японцев. В июле 1905 года осколком бомбы он контужен в левую руку, отчего она совершенно иссохла и владеть ею он не мог. По выходе из лазарета Зеленин поселился при родителях в селе Турове. В апреле и мае во сне ему явилась чудотворная икона Феодоровской Богоматери, и Богоматерь сказала: "Поезжай в Алешки, и там в Успенском монастыре Я тебя исцелю". Посоветовавшись с родными, Зеленин отправился в монастырь 12 июня. В тот же день в комнате, которая была ему отведена монахинями, явилась ему во сне Богоматерь и сказала: "Иди в церковь и молись". В церкви во время молитвы пред иконой Богоматери Зеленин почувствовал, что он совершенно исцелен и может владеть рукой. Дознанием выяснено, как передает "Набат", что действительно 12 июня Зеленин явился в Успенский женский монастырь совершенно больным и рукой владеть не мог, но когда в тот же день вышел из Успенской церкви, то было замечено всеми, что Зеленин начал свободно владеть рукой» [30].

В июне 1909 года в Костроме состоялся IV областной историко-археологический съезд, ставший важным событием для костромских историков и краеведов (напомним, слово «археология» в то время трактовалось более широко, чем сейчас, и подразумевало в целом науку о древностях). Слово «областной» в названии съезда разъяснялось так:

«Он называется областным, в отличие от всероссийских, так как посвящен был вопросам археологии, имеющим отношение лишь к одной области – Ростово-Суздальской, обнимающей нынешние губернии Владимирскую, Нижегородскую, Тверскую, Ярославскую и Костромскую. Костромской областной съезд по счету уже IV (первый был в Ярославле, второй в Твери, третий во Владимире)» [31].

Открытие съезда состоялось 21 июня. Днем его участники присутствовали на закладке здания

Романовского музея на Павловской улице в Костроме (ныне – историко-художественный музей на проспекте Мира), а вечером на той же Павловской улице в зале Дворянского собрания начались заседания съезда. Первое заседание открылось молебном, который епископ Костромской и Галичский Тихон совершил в зале Дворянского собрания пред ликом принесенной из кафедрального собора чудотворной Феодоровской иконы. Далее мы отметим некоторые из событий съезда, связанные с интересующими нас темами.

На вечернем заседании 22 июня И.В. Баженов представил свой реферат (доклад) «Судьбы Костромского кремля», в целом основанный на материалах очерка «Костромской кремль» [32]. 24 июня совершалось торжественное празднование 300-летия победы над сторонниками Лжедмитрия II – «тушинского вора» – в битве при Святом озере (во второй половине XX века среди историков сложилось мнение, что эта битва произошла не летом, а в сентябре 1609 года [33]), и присутствовавшие на съезде приняли участие в торжествах.

«24 июня утром члены археологического съезда участвовали в крестном ходе из Ипатьевского монастыря к Святому озеру (верстах в трех от монастыря), совершенном в память одержанной здесь 300 лет назад победы костромичей над приверженцами самозванца Лжедмитрия II, известного под именем Тушинского вора, в июне 1609 года. (...)

Крестный ход совершен был после литургии в Ипатьевском монастыре, которую совершил преосвященнейший епископ Тихон. Вместе с владыкой в крестном ходе участвовало и все городское духовенство. Недалеко от Святого озера крестный ход остановился около часовни, при чем владыкой было совершено осенение крестом на четыре стороны. На самом же берегу Святого озера, при деревне, отслужена была панихида о павших в бою за отчизну» [34].

26 июня участники съезда осматривали Воскресенскую церковь на Нижней Дебре (ныне – собор) и Успенский кафедральный собор в Костромском кремле. В статье о работе съезда, опубликованной в епархиальном журнале, указывалось:

«При осмотре Успенского собора выяснено, что он построен был первоначально в XIII веке, в княжение Василия Ярославича костромского; но неоднократные пожары и переделка совершенно изменили его первоначальный вид; даже кладка его стен, насколько можно судить о том по наблюдениям и впечатлениям, вынесенным из осмотра его подвалов, носит на себе следы XVII века. Предметов отдаленной старины сохранилось в этом соборе немного. Находящаяся здесь чудотворная Феодоровская икона Богоматери представляет важнейший и древнейший памятник не только Успенского собора, но и всей Костромы. Явление ее относится к XIII веку и соединяется с именем костромского князя Василия Ярославича Квашни, брата святого Александра Невского, сына Ярослава Всеволодовича. Икона мерой 1 аршин 2 ½ вершка, в ширину 12 вершков, украшена массивной золотой ризой и имеет рукоять, указывающую на то, что в Городце, первоначальном месте ее нахождения, она была запрестольной иконой. Краски иконы сильно потемнели, повреждены и исправлены неоднократно» [35].

Вечером 26 июня на заседании съезда выступил профессор Московской духовной академии А.П. Голубцов (сын священника Костромской епархии, выпускник Костромской духовной семинарии 1882 года) с докладом на тему «Автор древней повести о Феодоровской иконе Божией Матери» [36]. Докладчик (или, как его именовал епархиальный журнал, референт) рассматривал в своем выступлении минейную (или милютинскую) редакцию Сказания, которую он и называл «древней повестью».

«Указав на важное значение повести в истории и археологии главнейшей местной святыни, референт остановился на составителе ее. Высказав догадку, что последним мог быть отец Иоанн Милютин, в августовской четь-минее которого помещена повесть, он сообщил сведения о Милютине,

его нахождении в Троице-Сергиевой лавре, его писательских приемах и особенно на [так в тексте – М.Ф.] тех данных, которые сообщает повесть о церкви святого Феодора Стратилата в Костроме, ныне не существующей, но до конца XVI века бывшей главнейшей соборной церковью в ней. (...)

Реферат г[-на] Голубцова возбудил оживленные прения. Академик А.И. Соболевский высказал сомнение, чтобы автором трактуемой повести мог быть священник Милютин; списки повести о Феодоровской иконе Божией Матери встречаются довольно часто, отличаясь то большими, то меньшими подробностями, а между тем милютинские четь-минеи были мало кому известны. Священник Милютин, может быть, пересказал другие, более ранние сказания, а автором повести был, вероятно, костромич, написавший повесть в утешение своим согражданам в виду тяжелых испытаний, которые претерпевала Русь. Возможно и то предположение, что автор повести был одним из игуменов Чудова монастыря в Москве.

В ответ на соображения А.И. Соболевского референт заметил, что он и не настаивает на авторстве отца Иоанна Милютина; весьма возможно, что последний, как и другие книжники его времени, был только компилятором. Пробыв в лавре несколько лет послушником, Милютин был потом священником и, быть может, в Костроме – своем родном крае [в действительности отец Иоанн Милютин был родом из Балахны под Нижним Новгородом – М.Ф.]. Но предположение, что автором повести был один из игуменов Чудова монастыря, имеет мало оснований, так как игумены и вообще книжные люди Чудова монастыря того времени хорошо известны и близкого отношения к Костроме, сколько известно, не имели» [37].

Современные исследователи полагают, что минейная (милютинская) редакция Сказания была создана вскоре после событий 1613 года, а священник Иоанн Милютин являлся лишь переписчиком ее текста [38].

Экскурсия в Успенский кафедральный собор 26 июня породила у участников съезда вопросы о времени его построения, и уже на следующий день – 27 июня, после утренних торжеств в связи с праздновавшимся 200-летием Полтавской битвы – во второй половине дня инженер из Санкт-Петербурга И.Б. Михайловский, также участвовавший в работе съезда, сделал по этому поводу специальный доклад, вкратце сводившийся к следующему: следов постройки XIII века не обнаружено.

«По просьбе председателя съезда Н.В. Покровского один из членов съезда, петербургский инженер и преподаватель истории гражданских инженеров Иосиф Б. Михайловский обследовал стены и подвалы Успенского собора с целью найти хотя бы какие-нибудь следы древней постройки XIII века, но нигде и ни в чем таких следов не нашел: все здание представляется значительно новее и никоим образом не может быть отнесено к тому времени (см. журнал съезда № 8 от 27 июня)» [39].

Историко-археологический съезд завершил свою работу вечером 29 июня. На заключительном его заседании председатель съезда профессор Н.В. Покровский произнес речь, цитату из которой видится уместным привести здесь (хотя она и не имеет непосредственного отношения к рассматриваемым нами темам):

«Хотелось бы думать, что непосредственное соприкосновение с костромской стариной оживит в нас интерес к ней, вызовет потребность ближайшего ознакомления с ней, серьезного изучения ее, а отсюда, быть может, загорится в нас искорка уважения и любви к ней. Мы не можем любить того, чего не знаем; узнаем старину и полюбим ее. А любовь созидает все. Она породнит нас с заветами старины, осветит пред нами наше историческое прошлое и укажет пути грядущего» [40].

Выше мы описали обсуждение на съезде вопросов, связанных с минейной (милютинской) редакцией Сказания. А еще до начала съезда И.В. Баженов сдал в печать подготовленный им к

публикации текст пространной редакции Сказания (написанное им предисловие датировано 24 апреля 1909 года [41]). До недавнего времени эта публикация (пространной редакции) оставалась по сути единственной – и только в 2011 году О.Н. Радеева в приложении к своей диссертации поместила текст пространной редакции по нескольким спискам, хранящимся в Российской государственной библиотеке [42]. И.В. Баженов, имея доступ к четырем известным ему (и хранившимся в Костроме) спискам пространной редакции Сказания (в том числе и сопровождавшимся текстом старинной службы в честь явления Феодоровской иконы, на 16 августа), выбрал из них самый ранний. В предисловии к публикации Иван Васильевич указывал:

«В сравнении с вышеозначенными рукописями определяется достоинство печатаемой рукописи из сборника Богоявленского монастыря. Она написана диаконом костромской Троицкой, что у Богоявленского монастыря, церкви Петром С. Поповым и им окончена 1 февраля 1708 года, следовательно 201 год тому назад, – сама же по себе представляет, как видно из 1[-го] листа, копию с рукописи, написанной, по обещанию иеродиакона Ипатиева монастыря Лонгина, игуменом Печенгского монастыря Кириллом 1 мая 1670 года, следовательно за 239 лет до настоящего времени. Таким образом, напечатанная здесь рукопись имеет по времени своего происхождения преимущество пред вышеозначенными подобными (хотя более полными, именно по написанию службы) рукописями и могла служить образцом для них и других списков с нее. (...) Напечатанное сказание несомненно было полагаемо в основу существующих в печати описаний Феодоровской иконы Богоматери, но еще не было сполна напечатано» [43].

Действительно, в рукописи Сказания, опубликованной И.В. Баженовым, после заглавия имеется указание:

«Написажеся сия книга смиренным игуменом Кириллом монастыря Печенскаго, по обещанию иеродиакона Логгина, во обители Святой Живоначальной Троицы Ипацком, в лето от сотворения света 7178-го, а от Рождества Господа нашего Иисуса Христа 1670-го месяца маиа в 1 день» [44].

Примечательны личности монахов-книжников, упомянутых в этой записи. Иеродиакон Лонгин был ризничим Ипатьевского монастыря, затем стал игуменом Богородицкого Игрицкого мужского монастыря под Костромой, на речке Песочне (и поэтому иногда именовавшегося Песоченским). Инспектор Костромской духовной семинарии Д.Ф. Прилуцкий, составивший в 1851 году «Историческое описание Богородицкого Игрицкого второклассного мужского монастыря», в списке его игуменов указывал:

«Игумен Логгин с 1675 года по 1684 год, из постриженников Бабаевского монастыря. В 1665 [году] он был ризничим Ипатьевского монастыря и иеродиаконном и приложил в Игрицкий монастырь рукописную книгу, в коей содержится сказание о явлении чудотворной иконы Песошенской, писанную старцем Филаретом Рытаровским» [45].

Таким образом, имя отца Лонгина оказалось связанным сразу с двумя литературными памятниками, посвященными прославившимся на Костромской земле чудотворным иконам Пресвятой Богородицы.

Относительно игумена Кирилла костромские библиографы О.В. Горохова и П.П. Резепин сообщают:

«Кирилл (XVII). Игумен кольского Трифонова Печенгского Спасо-Преображенского монастыря Архангельской епархии (1664–1666) и костромского Ипатьевского Троицкого монастыря (1666–1670). Участник встречи (...) патриархов Александрийского Паисия и Антиохийского Макария в городе Москве (02.11.1666), московских (...) соборов с их участием (1666–1667), свидетельства чудес от иконы Божией Матери Шуйской в городе Шуе (...) (02.07.1667) и др[угое]. Писец Сказания о

явлении и чудесах Феодоровской иконы Богоматери» [46].

В 1909 году почитание чудотворной Феодоровской иконы обрело свое выражение не только в исторических исследованиях, но и, если можно так выразиться, в монументальных формах. 20 августа 1909 года в Царском Селе вблизи Александровского дворца был заложен Феодоровский государев собор, посвященный чудотворному образу Богоматери; его освящение состоялось ровно три года спустя – 20 августа 1912 года, а прилегающая местность стала именоваться Феодоровским городком. В самой столице готовилось строительство храма в честь 300-летия царствования Дома Романовых – Феодоровского собора вблизи Николаевского (ныне Московского) вокзала; с 1909 года во всех церквях империи за всенощной накануне праздника Покрова Пресвятой Богородицы и за литургией в сам праздник Покрова (1 октября) проходил установленный Святейшим Синодом ежегодный сбор средств на постройку этого храма [47]. И наконец, в 1909 году было принято принципиальное решение о строительстве в Костроме памятника в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых.

В начале 1909 года костромской губернатор А.П. Веретенников через министра внутренних дел П.А. Столыпина доложил императору Николаю II предложение о постройке памятника, и этот проект получил высочайшее одобрение. Был образован Особый комитет по сбору пожертвований на сооружение памятника – под председательством губернатора и с участием епископа Костромского и Галичского Тихона. С высочайшего дозволения открылась всероссийская подписка по сбору средств на памятник; к осени 1909 года было разослано 15 тысяч подписных листов с воззваниями, напоминавшими жертвователям:

«14 марта 1913 года исполняется три столетия с тех пор, когда в Российском государстве совершилось величайшее событие. В воскресенье четвертой недели Великого поста 14 марта 1613 года в Костроме в древнем Ипатьевском монастыре, благословляемый древнейшей костромской святыней, иконой Феодоровской Богоматери, взшел на всероссийский престол Михаил Феодорович Романов, родоначальник благополучно царствующего государя императора Николая II Александровича» [48].

Тем временем члены Особого комитета дискутировали о том, что же должен из себя представлять сам памятник.

«Неоднократно комитетом обсуждался вопрос о том, какого рода памятник должен быть? Высказывались различные мнения: одни хотели видеть памятник-монумент, другие – храм, третьи считали, что памятником может стать университет или учительская семинария, например. Не придя к единому мнению, члены комитета просили министра внутренних дел передать решение на усмотрение государя императора. Министр не счел возможным сделать это, считая, что члены комитета должны сами решить столь важный вопрос. 22 ноября 1909 года после вторичного обсуждения было проведено голосование. Девять голосов было подано за памятник-монумент, шесть – против» [49].

Далеко не сразу сформировалось и единое мнение о месте для памятника. Губернатор Веретенников настаивал на Сусанинской площади; художники-консультанты, приглашенные Особым комитетом, предлагали разместить памятник на малом бульваре близ кремля (где находится беседка Островского); наконец, Костромская городская дума более склонялась к идее установить монумент на площади близ кремлевских соборов. Еще 26 ноября 1909 года дума вынесла постановление:

«Предоставить комитету для сооружения памятника любое из трех мест, намеченных комитетом, а именно: 1) на соборной площади, 2) на малом бульваре, и 3) в Сусанинском сквере. Но при том просить комитет через министра внутренних дел повергнуть на Его императорского величества благоволение пожелание городской думы видеть памятник на площади близ Успенского

собора, на месте существовавшего кремля» [50].

В 1910–1911 годах продолжался сбор средств на строительство памятника, одновременно шло обсуждение выбора для него места, предлагались проекты памятника. Результаты конкурса проектов, прошедшего осенью 1911 года в Санкт-Петербурге, костромскую общественность не удовлетворили: особую симпатию у костромичей вызвал проект академика А.И. Адамсона, получивший в столице лишь вторую премию. 18 ноября 1911 года купец Н.В. Голованов, гласный (депутат) Костромской городской думы, выступил с обращением к коллегам-думцам и костромичам (впоследствии напечатанным отдельным изданием), в котором призывал выбрать для реализации проект Адамсона, а сам памятник разместить на площади близ кремлевских соборов. Николай Васильевич выступал весьма эмоционально, упоминая при этом и главную костромскую святыню:

«Да будет этот памятник, он так понятен, дорог сердцу нашему народному!

Но... есть это необходимое "но" и в этом деле. В деле, которое, казалось бы, должно быть результатом полного нашего единения, согласия и спокойствия. Но этого единения, этого согласия и спокойствия нет еще до сих пор...

Где будет поставлена эта гордость нашего края, нашего города, всей России, на подобающем ли месте?

И лишь задашься этим вопросом, вспомнишь и свои собственные давнишние желания, желания всех граждан города, а может и губернии – видеть этот памятник на лучшем месте, достойном месте, [в] старом нашем кремле, рядом, а не боком, с нашим величественным, чудным по архитектуре собором, где хранится наша вековая святыня, наша заступница и защитница Феодоровская Божия Матерь. Что может быть лучше этого места? Если смотреть с точки зрения интересов нас, костромичей, граждан города – то лучшего места нет: это центр нашей жизни, нашей деятельности.

В связи с нашим общественным бульваром памятник представляет собой полную гармонию с собором, с его пятью золотыми главами старинного летнего храма, с его высокой, но удачно отдаленной от памятника чудной колокольней. На месте, где теперь пустырь, где само по себе просится что-нибудь здесь именно поставить, здесь именно соорудить.

А дальше в нашей обывательской жизни, при наших торжествах, прогулках, событиях – где собирались граждане, бывало, где вы решали свои дела, где обсуждали свои заботы? Уж не под собором же, не на маленьком бульварчике, а здесь, в кремле, под покровом Божией Матери. Здесь с точки зрения нас, костромичей, и должен быть поставлен памятник» [51].

В итоге возобладала именно эта точка зрения: памятник решили поставить близ соборов, а проект академика А.И. Адамсона (несколько переработанный) был высочайше одобрен 17 июля 1912 года для воплощения.

Труженики церковной науки тем временем продолжали свои исследования. «Костромские епархиальные ведомости» публиковали статьи И.В. Баженова, посвященные Костромскому кремлю и его главной святыне. В № 10 журнала за 1910 год была напечатана работа Ивана Васильевича «Старый город Кострома в XVII–XVIII веках и судьбы его» – сокращенный и переработанный вариант очерка 1905 года «Костромской кремль». А в № 23 за тот же год была помещена небольшая статья И.В. Баженова «По вопросу о древних списках с чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери». В ней Иван Васильевич описывал две хранившиеся в Костроме у частных лиц Феодоровские иконы, которые их владельцы считали древними (однако проведенный осмотр такое мнение не подтвердил). Любопытно, что одна из этих икон (принадлежавшая жительнице Костромы А.М. Ждановой, по мнению И.В. Баженова – написанная во второй четверти XVIII века) ранее

пребывала на Рязанской земле и пользовалась почитанием: «... икона эта как местно (в Данковском уезде Рязанской губернии) чтимая, и даже раскольниками, была выносима летом в сельских приходах для молебных пений и во время пожаров для защиты от огня» [52].

Далее И.В. Баженов отмечал, что самым ранним списком с чудотворного образа следует считать тот, который имелся в Городце уже в 1263 году (при кончине святого благоверного великого князя Александра Невского). Статья завершалась рассказом о других списках с костромской святыни.

«Не можем здесь не упомянуть о том, что в Троицком храме Ипатиева монастыря сохраняется бывшая в моленной боярыни Марфы Ивановны Феодоровская икона Богоматери, которой она благословила сына своего Михаила Феодоровича на царское правление. Затем известно, что новоизбранный царь Михаил при отправлении из Костромы 19 марта 1613 года в город Москву взял с собой точный список с чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери и поставил его в своей придворной, что в сенях, Рождество-Богородицкой церкви, причем в честь этой иконы установлен свой придворный праздник 14 марта на память восшествия его на всероссийский престол. В заключение не можем не указать на то, что в некоторых церквях города Костромы, начиная с соборного храма, в коем имеется пожертвованная Михаилом Феодоровичем небольшая икона Феодоровская, тщательно сохраняются от половины XVII и XVIII веков благоговейно чествуемые Феодоровские иконы Богоматери, из коих некоторые имеют большую древность, чем подлежащие рассмотрению и обсуждению две Феодоровские иконы, составляющие собственность частных лиц в городе Костроме» [53].

В № 24 за 1910 год и № 2 за 1911 год «Костромских епархиальных ведомостей» публиковался обширный очерк И.В. Баженова «Костромские святыни – Феодоровская икона Божией Матери в Успенском соборе и Нерукотворенный образ Христа Спасителя в Спасо-Запрудненском храме» [54]. Первая половина очерка (опубликованная в № 24 журнала) повествовала об истории и традициях почитания чудотворного Феодоровского образа Царицы Небесной. Во вступительной части Иван Васильевич отмечал:

«В честь чудотворных икон Пресвятой Богоматери посвящены великому Ее имени тысячи храмов и установлены церковные празднества, которые в разные дни месяцев с особенным торжеством совершаются благочестивыми местными жителями в различных местах нашего государства. К числу таких чудотворных икон принадлежит и Феодоровская икона Божией Матери, которой город Кострома уже более шести с половиной веков имеет великое счастье обладать как особым знаменем покровительства и защиты себе. Все жители города Костромы от лет древних и доселе с глубоким благоговением почитают свою великую святыню, общее же чествование ее совершается Церковью в особенные празднества ежегодно 14 марта и 16 августа. Припадая с теплыми молитвами ко Пресвятой Богородице пред Феодоровским Ее образом, костромичи здесь почерпают силу и бодрость жизни, утешения в житейских невзгодах и общественных бедствиях и непостыдную надежду на милосердие Божие по ходатайству Преподобной Владычицы Богородицы. По справедливости, в чудотворной этой святыне заключается и залог православия костромичей и устойчивость в добром религиозном настроении и благочестии. Под сенью же Феодоровской иконы Божией Матери костромичи воспитывают в себе и строгий патриотизм в достохвальном духе дедов и отцов, хорошо памятуя, что пред этой иконой почти три века назад – 14 марта 1613 года – юный Михаил Феодорович Романов, родоначальник царствующего Дома, изъявил согласие принять на себя тяжелое бремя царского правления, посвятить свою жизнь благоденствию русского народа, утвердить поколебленный в смутную эпоху царский трон и спасти русскую народность и вместе Православную Церковь от иноверного ига поляков. Об этой-то достопамятной в отечественной истории великой святыне костромской и предлагается наш очерк – в целях не только удовлетворить любознательности верующих, но вместе в одних оживить, в других же возбудить сознание высокой ценности и преимущества обладаемого костромичами чудесного дара Божия» [55].

Очерк носил популярный характер, однако автор затрагивал в нем и некоторые вопросы дискуссионного плана: о датировке явления иконы в Костроме и битвы при Святом озере. Иван Васильевич подчеркивал: «Признается более вероятным – ко времени удельного княжения Василия Ярославича (и отнюдь не к 1239 году) относить чудесное явление ему иконы Божией Матери» [56].

Автор очерка приводил сведения о пребывании чудотворной иконы в Костромском кремле и уверенно сообщал о том, что при пожаре 1773 года погибло хранившееся в Успенском соборе полное описание чудес от Феодоровского образа.

«Феодоровская чудотворная икона имеет постоянное местопребывание в Успенском соборном храме во время совершения в нем богослужений летом, преимущественно же в Богоявленском храме, и помещается в иконостасе с левой стороны царских врат в особо устроенном месте. Здесь-то в будничные и праздничные дни верующие имеют возможность помолиться пред Феодоровской иконой Богоматери и воздавать подобающее святыне почтение и поклонение. (...)

Причина величайшего благоговения костромичей всех времен к Феодоровской иконе Богоматери заключается, несомненно, в многочисленных чудотворениях от святой иконы, которые со времени самого явления ее князю Василию Ярославичу совершаются до последних лет, но, к сожалению, лишь немногие из чудес от Феодоровской иконы сделались общеизвестными, особенно вследствие того, что в бывшем в 1773 году большом пожаре в Успенском соборе подверглось уничтожению огнем полное описание этих чудес» [57].

Во второй части очерка (№ 2 за 1911 год), рассказывая о местной иконе Нерукотворенного Образа Спасителя, И.В. Баженов приводил сведения из истории монастыря на Запрудне и Спасо-Запрудненского храма. Очерк завершался историко-богословским рассуждением об иконопочитании в христианской Церкви.

При всем нашем уважении к Ивану Васильевичу Баженову и его трудам следует сказать, что не со всеми его мыслями и выводами – в частности, относящимися к истории чудотворной Феодоровской иконы Богоматери – мы сейчас можем согласиться. В полной мере это относится к его статье «Московский и костромской крестный ход в Ипатьев монастырь 14 марта 1613 года», опубликованной в № 15 «Костромских епархиальных ведомостей» за 1911 год. В этой работе Иван Васильевич задался целью реконструировать события воцарения Михаила Феодоровича Романова, связанные с шествием в Ипатьевский монастырь московского посольства и костромичей с чудотворным Феодоровским образом Пресвятой Богородицы. И.В. Баженов отмечал:

«Приближается трехсотлетняя, радостная для всей России годовщина царствования Дома Романовых. К этому юбилейному торжеству уже теперь обращены взоры России и Европы. В виду предстоящего столь грандиозного события важно не только воспроизвести самое историческое событие воцарения в Ипатьевском Троицком соборе боярина Михаила Феодоровича, но с возможной полнотой осветить различные относящиеся к нему моменты и детали. В ряду таких очень важное место занимает московский и костромской крестный ход в Ипатьев монастырь 14 марта 1613 года. Однако это историческое событие доселе не имеет для себя целостного археологического эскиза в отношении указания пути следования и особенно вступления в Ипатьеву святую обитель. Предлагаемый историко-археологический экскурс в эту мало исследованную область представляется первым опытом» [58].

Одним из основных положений статьи И.В. Баженова являлось то, что шествий утром 14 марта 1613 года было два: прибывшее в Кострому московское посольство отправилось из села Селище на правом берегу Волги (Иван Васильевич называет его Новоселками) к месту впадения реки Костромы в Волгу, а крестный ход костромичей с чудотворной Феодоровской иконой Богоматери прибыл сюда же из Успенского собора Костромского кремля – и обе процессии, объединившись,

направились в Ипатьевский монастырь.

«14 марта, в воскресенье четвертой недели Великого поста, состоявший во главе посольства архиепископ Рязанский Феодорит с освященным собором, в преднесении хоругвей, животворящего креста, святых московских чудотворных икон, при звоне церковных колоколов в Новоселках открыл торжественное шествие из Новоселок к Ипатьеву монастырю. И вот эта процессия проследовала по реке Волге и затем прибыла к устью реки Костромы – где на несколько времени приостановилась.

Между тем сюда же при величественном колокольном звоне во всех костромских церквах уже направлялся из соборного Успенского храма торжественный крестный ход в преднесении святых крестов, чудотворного Феодоровского образа Божией Матери и других святых икон. (...) ... крестный ход (...) прибыл к устью реки Костромы, впадающей в реку Волгу, и здесь-то соединился с московским крестным ходом.

От этого сборного пункта соединенная процессия освященных соборов в совокупности московских и костромских великих святых, в сопровождении множества сановников и народа величественно, при умильном пении священных песнопений, с подобающим священной важности благолепием следовала по льду реки Костромы до самого Ипатьева монастыря» [59].

Эта картина, изображенная И.В. Баженовым, практически полностью соответствует описанию событий 14 марта в одном из самых известных литературных памятников эпохи начала династии Романовых – «Сказании Авраамия Палицына». Отец Авраамий, выдающийся церковно-общественный деятель и писатель, являлся участником посольства, очевидцем тех событий, и авторитет его сочинений долгое время был непререкаем – но уже в XIX веке ученые заговорили о том, что повествования отца Авраамия не столь уж беспристрастны, а личность его требует критической оценки. Мы надеемся посвятить описанию 14 марта 1613 года отдельную работу, пока же скажем кратко: нет необходимости ставить под сомнение изложение этих событий в «Сказании Авраамия Палицына», однако надо полагать, что его автор о многом умолчал. Судя по всему, московское посольство, остановившееся на ночь в Селище (кстати, название «Новоселки» также заимствовано из «Сказания Авраамия Палицына» – костромские документальные источники такого именованья не знают [60]), утром отправилось по волжскому льду на другой берег реки, но не в Ипатьевский монастырь, а в Костромской кремль, в Успенский собор. Об этом однозначно говорится в составленном около 1630 года «Новом летописце» – летописном источнике, отличающемся детальностью изложения исторических реалий:

«Архиепископ же Феодорит и боярин Федор Иванович Шереметев и все люди придоша в соборную церковь Пречистыя Богородицы, и пеша молебны, и взяша чесныя кресты и месной чудотворной образ Пречистыя Богородицы Федоровския и многия иконы, и поидоша в Ыпацкой монастырь, и пеша молебны у Живоначальные Троицы, и придоша к нему, государю, и к матери ево...» [61].

Таким образом, московское посольство, взяв из Успенского собора чудотворную Феодоровскую икону Богоматери, отправилось к матери и сыну (избранному царю Михаилу Феодоровичу) Романовым в Ипатьевский монастырь. Вполне возможно, что костромское духовенство и жители города ожидали эту процессию у места впадения реки Костромы в Волгу, как об этом писал отец Авраамий (а вслед за ним – И.В. Баженов):

«И егда приидоша на устье реки Костромы, весь же церковный чин града того облекаюся во священныя ризы и взяше честныя кресты и чудотворныя иконы, изыдоша из града со множеством народа, с женами и з детми, и поидоша вкупе в той же Ипацкой монастырь» [62].

Назначить сборным пунктом для духовенства и жителей Костромы место за чертой города и

поблизости от Ипатьевского монастыря было весьма разумно: если, предположим, костромичи собирались бы в кремле или около него, то толпа перекрыла бы городские улицы – и московское посольство просто не прошло бы в Успенский собор. Видимо, такие организационные решения принимались вечером 13 марта в Селище, где остановились московские послы и куда из самой Костромы «придоша к ним градодержатели со множеством народа» [63].

Тем не менее картина утра 14 марта 1613 года, изображенная И.В. Баженовым, и донныне является традиционной для историко-краеведческих сочинений. Вот как, к примеру, излагаются события в книге современного костромского историка Н.А. Зонтикова:

«Утром 14 марта все участники великого посольства во главе с боярином Ф.И. Шереметевым присутствовали на Божественной литургии, которую в сослужении с другими священнослужителями, членами посольства и селищенским причтом (...) совершил святитель Феодорит. После ее окончания члены посольства с московскими святынями, вместе с многочисленными жителями Селища и окрестных селений, двинулись по льду через Волгу к Ипатьевскому монастырю. Под колокольный звон всех храмов Костромы на устье реки Костромки шествие из Селища слилось с шествием горожан, идущим из Костромского кремля с главной святыней Костромы – чудотворной Феодоровской иконой Божией Матери» [64].

Поэтому для нас весьма важно восстановить действительную картину событий утра 14 марта 1613 года – ведь это, пожалуй, одна из самых известных и славных страниц истории чудотворной Феодоровской иконы Богоматери. Интересно, что о несправедливости концепции двух крестных ходов свидетельствуют источники не только летописные (разные редакции «Нового летописца» [65]), но и изобразительные. Так, на миниатюре из «Книги об избрании на царство великого государя, царя и великого князя Михаила Феодоровича» (1673 год) мы видим шествие, единым потоком выходящее из крепостных ворот града Костромы и приближающееся к стенам Ипатьевского монастыря. Вдали виднеется село с церковью – надо полагать, Селище; но по логике построения композиции Селище выглядит скорее как отправной пункт процессии, прошедшей через город Кострому и направляющейся в Ипатьевскую обитель.

Справедливости ради следует сказать, что И.В. Баженов не был автором концепции двух крестных ходов – он оказался лишь ее популяризатором. Утверждение о шествии утром 14 марта 1613 года московского посольства из Селища прямо к устью реки Костромы (через Волгу) и далее в Ипатьевский монастырь прозвучало много раньше. Отец Авраамий Палицын в своем «Сказании» указывал кратко: «Заутра же (...) поидоша ко обители Святыя Живоначалныя Троица в Ыпацкой монастырь. И егда придоша на устье реки Костромы...» [66]. Но в 1832 году епископ Костромской и Галичский Павел (Подлипский), плодотворно занимавшийся историческими исследованиями, опубликовал «Описание костромского Ипатьевского монастыря», где цитировал отрывок будто бы из монастырской летописи – а в действительности выписку из «Сказания» Авраамия Палицына, сделанную существенно позднее написания самого «Сказания» (о чем говорит титулование Михаила Феодоровича в тексте выписки самодержцем «всея Великия, и Малыя, и Белья России») и украшенную характерными костромскими деталями. В данном тексте о шествии посольства говорится уже так: «И поидоша чрез великую реку, глаголемую Волгу, ко обители Живоначалныя Троицы в Ыпацкой монастырь» [67]. В книге же протоиерея Павла Островского, изданной в 1864 году, концепция двух крестных ходов предстает уже вполне оформленной:

«14 марта – это было воскресенье четвертой недели Великого поста – преосвященный Феодорит с освященным собором, в предшествии хоругвей, животворящего креста, святых чудотворных икон московских, а боярин Федор Шереметев "учинив свои чины по достоянию", открыли торжественное шествие к монастырю Ипатьевскому по Волге; одновременно с ними городское духовенство, в предшествии крестов и чудотворной Феодоровской иконы Богоматери,

вышло из собора, сопровождаемое чинами воинскими и гражданскими и множеством народа с женами и детьми. На том месте, где река Кострома сливается с Волгой, соединились Москва и Кострома – в лице святых их, освященных соборов, сановников и множества народного – в одну знаменитую и по цели и собранию святых единственную в летописях нашего отечества процессию, благоговейно и радостно продолжавшую путь по реке Костроме до святой обители» [68].

Наконец, в 1887 году член Костромской ученой архивной комиссии И.В. Миловидов, комментируя документ из архива Ипатьевской обители (еще одну выписку из «Сказания» Авраамия Палицына о событиях 1613 года), прямо указывал: «Очевидно, от Селищ к Ипатьевской обители посольство переходило чрез Волгу по льду» [69].

Как следует из публикаций в «Костромских епархиальных ведомостях», И.В. Баженов в то время (1911–1912 годы) исследовал события 1613 года и в несколько ином ракурсе: он отстаивал точку зрения о проживании матери и сына Романовых в начале марта 1613 года в Ипатьевском монастыре – против мнения костромского краеведа-любителя (по профессии врача) Л.П. Скворцова, считавшего, что Романовы жили в своем осадном дворе в Костромском кремле и переехали в Ипатьевскую обитель лишь для принятия московского посольства [70]. По этому вопросу Иван Васильевич даже выступил на XV Всероссийском археологическом съезде в Новгороде (на заседании 26 июля 1911 года). Но к роли Феодоровской иконы в событиях марта 1613 года он еще вернется чуть позже и сделает очень интересный вывод, о котором мы расскажем далее.

Одновременно с описанными выше трудами И.В. Баженова изучением истории чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери плодотворно занимался священник Димитрий Лебедев. Он родился в 1867 году, в 1889 году окончил Костромскую духовную семинарию и принял священный сан, а уже в зрелом возрасте поступил в Московскую духовную академию, после окончания которой в 1911 году был назначен смотрителем Кинешемского духовного училища. Во время учебы в академии отец Димитрий подготовил курсовое сочинение по церковной археологии на тему «Отношение древней церкви Феодора Стратилата к Успенскому собору в городе Костроме (в связи с повестью о Феодоровской иконе Божией Матери и топографией города)». До сравнительно недавнего времени это сочинение было известно нам лишь по отзыву, данному о нем уже упоминавшимся профессором МДА А.П. Голубцовым [71]. Однако в XXI веке произошли события, которые в определенном смысле можно назвать чудесными. Костромской общественный деятель, бывший глава города Костромы Б.К. Коробов вспоминал в 2010 году:

«Два года назад, в 2008 году, мне позвонил друг нашей семьи Павел Иванович Смирнов, бывший директор костромской ТЭЦ–2. "Ты занимаешься историей Костромы? – спросил он. – У меня хранится одна старинная рукопись, возьми ее себе".

Открыв эту рукопись и прочитав ее, я, честно говоря, пришел в восторг от концентрации в ней материала об истории государства Российского, нашего Костромского края, его святых. И я понял, что должен донести эту бесценную информацию до широкого круга читателей» [72].

Рукописью, переданной Б.К. Коробову, оказалась магистерская диссертация священника Димитрия Лебедева, подготовленная им в 1913 году. Как выяснилось, определением совета Московской духовной академии от 31 августа 1912 года священнику Димитрию Лебедеву было разрешено переработать курсовое сочинение, уже упоминавшееся нами, в магистерскую диссертацию. Текст диссертации, озаглавленной «История соборных храмов Феодоровского и Успенского в городе Костроме в связи с повестью о Феодоровской иконе Богоматери, краткой историей и топографией древнего города. Историко-археологический очерк», был готов в 1913 году, однако так и не издавался, сохранился лишь в рукописи. В 1917 году отец Димитрий – оставшийся смотрителем училища, но активно занимавшийся общественной деятельностью, публиковавший в епархиальном журнале статьи на актуальные церковные и политические темы – стал протоиереем, а в

1918 году перешел на служение из Кинешмы в Успенский кафедральный собор города Костромы. В 1932 году, когда в Советском Союзе ширились гонения на Церковь и верующих, на Костромскую кафедру прибыл архиепископ Никодим (Кротков) – до этого уже побывавший в тюрьмах и ссылках, пожилой и благочестивый архипастырь, соученик протоиерея Дмитрия Лебедева по Костромской духовной семинарии. В 1936 году отец Дмитрий подарил владыке Никодиму, своему старому товарищу, единственный экземпляр диссертации, сделав на нем надпись: «... сочинение это мое прошу глубоко почитаемого мною Высокопреосвященного архиепископа Костромского Никодима Кроткова принять в дар на хранение в библиотеку костромского епископа» [73]. 3 декабря 1936 года владыка Никодим был арестован и затем скончался 21 августа 1938 года в тюрьме города Ярославля. Рукопись же диссертации отца Дмитрия оказалась в 1941 году (как следует из карандашной пометки на ней) в фондах Костромской областной библиотеки имени Н.К. Крупской; что с ней происходило дальше, до того как она попала к П.И. Смирнову – неизвестно; но то, что это сочинение сохранилось до наших дней (а в 2010 году попечением Б.К. Коробова было издано), действительно можно назвать чудом.

Диссертация отца Дмитрия Лебедева содержит множество сведений по истории Костромы, Костромского кремля и Успенского собора. Большое внимание автор уделяет и чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери, анализирует различные редакции Сказания и текст старинной службы на 16 августа. Отметим основные положения труда отца Дмитрия, относящиеся к рассматриваемым нами темам.

1. Отец Дмитрий выделяет три редакции Сказания XVII века – пространную, минейную (милютинскую) и проложную. Однако хронологически первой он считает пространную редакцию, отмечая при этом ее связь со старинной службой в честь Феодоровской иконы Богородицы (на 16 августа).

2. Старинную службу на 16 августа он считает составленной не ранее XVII века, скорее всего, в начале царствования Михаила Феодоровича.

3. Последуя профессору А.П. Голубцову, отец Дмитрий полагает, что составителем минейной (милютинской) редакции Сказания был сам священник Иоанн Милютин, в своей редакции исправивший ошибки составителя первой (пространной) редакции протопопа Феодора.

4. Дату явления иконы в Костроме – 1239 год – как и наименование костромского князя Василием Георгиевичем (вместо Василия Ярославича) отец Дмитрий называет явными ошибками составителя пространной редакции, относя явление иконы в Костроме к 1258–1261 годам.

5. Два описываемых Сказанием пожара, как полагает автор диссертации – это отмеченные летописями костромские пожары 1304 и 1413 годов, с течением времени смешавшиеся «в народном сознании».

6. Князь Василий Ярославич, по мнению отца Дмитрия, не мог являться строителем каменного Успенского собора; время начало постройки каменного собора во втором Костромском кремле – 1415–1416 годы. После пожара 1493 года Успенский собор был расширен пристройкой к южной части храма.

7. В описании событий 14 марта 1613 года отец Дмитрий следует традиционной картине, основанной на «Сказании Авраамия Палицына» и соответствующей излагаемой И.В. Баженовым концепции двух крестных ходов в Ипатьевский монастырь.

Остается лишь сожалеть, что столь интересная и содержательная работа (хотя не со всеми мнениями отца Дмитрия сейчас можно согласиться) оставалась неизвестной для исследователей XX – начала XXI века; с другой стороны, следует особо благодарить Б.К. Коробова за то, что его попечением столь выдающийся историко-краеведческий труд был – спустя почти век после его написания! – введен в научный оборот.

Впрочем, отец Дмитрий все же пытался донести результаты своих исследований до общественности. 3 июня 1912 года в Костроме состоялась церемония торжественного открытия Костромского церковно-исторического общества (КЦИО), председателем которого (до упразднения в 1918 году, когда общество вошло на правах секции в Костромское научное общество по изучению

местного края) бессленно являлся И.В. Баженов. На собрании КЦИО 12 ноября 1912 года, проходившем в актовом зале Костромской духовной семинарии, зрителем Кинешемского духовного училища священником Димитрием Лебедевым был прочитан реферат (доклад) на тему «Краткий исторический очерк начального периода города Костромы (до княжения Ярослава Всеволодовича) в связи с древней топографией города и построением соборного храма в честь святого Феодора Стратилата». Название этого реферата практически совпадает с заглавием введения магистерской диссертации отца Димитрия, то же можно сказать и о содержании – известном нам по описанию собрания 12 ноября 1912 года в епархиальном журнале:

«Почтенным отцом референтом изложен подробно следующий взгляд на начальный период древней топографии города Костромы в связи с построением первого соборного храма во имя святого великомученика Феодора Стратилата. С самого начала или основания своего, не позднее второй половины XI века, город Кострома находился на левом берегу реки Волги при впадении в нее реки Костромы, которая в те времена вливалась свои воды выше теперешнего места и ближе к месту, ныне занимаемому Ипатьевским монастырем. В этом месте город был значительно защищен от нападений вражеских с трех сторон водой – реками Волгой, Костромой и Сулой, а с четвертой – болотами и лесами. Название свое город получил от латинского слова *Castrum*, что значит укрепленный лагерь, крепость, каковое название великий князь Юрий Долгорукий сообщил этому городу как всегда более или менее сильной крепости, перенеся на нее название хорошо известного ему города южной или юго-западной России (город Остры, в 60 верстах от Чернигова; Костры, недалеко от Юрьева–Дерпта; Кострума, замок на месте города Ревеля, и другие). После разорения города Костромы в нашествие Батые в 1237 году он восстановлен на том же месте великим князем владимирским Ярославом Всеволодовичем и отдан во владение самому младшему его сыну, так называемому Квашне. Тот же Ярослав в честь своего ангела устроил в городе Костроме соборный храм во имя святого Феодора Стратилата и обнес его кремлем, каковой еще более укреплен Василием Ярославичем, как имевшим в нем свою резиденцию. В 1258–1261 годах этим князем обретаена в лесной чаще близ Запрудни чудотворная икона Божией Матери Одигитрии, которая и была в крестном ходе торжественно принесена в город и поставлена в соборном Феодоровском храме, почему и получила название Феодоровской иконы Богоматери. Кремль с обычными древле деревянными стенами (с башнями) и земляными валами существовал на прежнем месте между речкой Сулой и рекой Костромой до 1413 года, когда, после истребления этой главной части города страшным пожаром, выстроен новый кремль великим князем Василием Дмитриевичем на другом месте (где площадь Успенского собора). Храм святого Феодора Стратилата, хотя снова был выстроен "на старом погоревшем месте", но уже "в виде малой церкви" для поставления в нем чудотворного образа Божией Матери "на некое время" – в виду намерения великого князя соорудить каменный Успенский храм. С устройством последнего Феодоровский храм уступил новому собору честь служить местом пребывания чудотворной Феодоровской иконы, потерял значение соборного храма и, наконец, в конце XVIII века совсем прекратил свое существование» [74].

Таким образом, уже в ноябре 1912 года отец Димитрий Лебедев познакомил костромскую общественность со своим предположением о том, что Успенский собор Костромского кремля был построен в XV веке (но не в XIII столетии, как тогда считалось). Доклад зрителя Кинешемского духовного училища вызвал оживленное обсуждение, но «средоточными пунктами прений оказались представления отца референта о первоначальном основании города Костромы и месте Костромского кремля» [75].

«По вопросу о происхождении названия города Костромы было обращено внимание отца референта на то, что он напрасно не придает никакого значения тому небезосновательному представлению, что это название усвоено городу от имени божества весны "Кострома", под которым языческие славяне города олицетворяли живительные силы природы и устраивали особые игрища» [76].

Вопрос о времени построения Успенского собора, судя по статье в епархиальном журнале, на собрании Костромского церковно-исторического общества 12 ноября 1912 года подробно не обсуждался.

Несколько ранее, в феврале 1912 года, Костромская духовная консистория издала циркулярный указ духовенству Костромской епархии, непосредственно касающийся почитания чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери. Поводом для издания указа послужило поступившее в консисторию предложение (то есть распоряжение) епископа Костромского и Галичского Тихона:

«Так как до моего сведения дошло, что в некоторых отдаленных и глухих приходах епархии 14 марта (день празднования Феодоровской иконы Божией Матери) вовсе не празднуется и в храмах не отправляется никакой службы, то надлежит консистории о сем обсудить и сделать общее распоряжение по всей епархии для руководства на будущее время» [77].

Ничего нового в такой постановке вопроса не заключалось: обязательное совершение богослужений 14 марта во всех храмах Костромской епархии было предписано еще циркулярным указом Костромской духовной консистории 1779 года, вслед за изданием в 1778 году новой службы в честь Феодоровской иконы Пресвятой Богородицы [78]. Но указание епископа Тихона демонстрирует нам, сколь внимательно костромское священноначалие относилось к почитанию древней святыни.

Рассмотрев поступившее предложение архипастыря, консистория распорядилась:

«В виду связанного дня празднования 14 марта св[ятой] Феодоровской иконы Божией Матери с историческим событием в истории Российского государства, знаменательного в особенности для Костромской епархии, консистория определяет:

Вменить, с прописанием предложения Его преосвященства, в непремennую обязанность духовенству епархии – неукоснительно совершать 14 марта богослужение и церковное празднование в честь св[ятой] иконы Феодоровския Божией Матери, о чем для должного исполнения сего распоряжения и объявить духовенству епархии чрез напечатание в "Костромских епархиальных ведомостях". 1912 года февраля 23 дня. № 3020» [79].

В том же 1912 году, когда костромичи готовились к юбилейному празднованию 300-летия царствования Дома Романовых, костромское Феодоровско-Сергиевское братство занялось массовым изготовлением нательных образков с изображением Феодоровской иконы Божией Матери и юбилейной символикой, предварительно испросив благословение Святейшего Синода на такую инициативу.

«Святейший Правительствующий Синод, указом на имя Его преосвященства преосвященнейшего епископа Тихона от 25 мая сего 1912 года за № 7503, костромскому Феодоровско-Сергиевскому братству преподал свое благословение на изготовление и распространение нательных образков Феодоровской иконы Божией Матери среди русского народа и населения нашей Костромской епархии в частности, а особенно среди молодежи, учащейся в средних и низших школах, с надписями на образках, соответствующими предстоящему трехсотлетнему юбилею благополучного царствования Дома Романовых.

Образки имеют быть круглые, по внешней форме и размерам совершенно тождественные с обычно употребляющимися нательными образками Господа Иисуса Христа, Божией Матери и святых Божиих, но с таковыми особенностями юбилейного характера. На лицевой стороне изображение Божией Матери – Феодоровской Ее иконы, с чеканной надписью вокруг: "Пресвятая Богородица, спаси нас", а на оборотной стороне – изображение Животворящего Креста Господня осьмиконечного, с историческими юбилейными числами при подножии креста, 1613–1913, и вокруг слова молитвы за

царя: "Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое". Образки имеют быть серебряные и медные, разных размеров и цен. Для большего распространения образков как в Костроме при юбилейных торжествах, так по приходам и в школах епархии, духовных и светских, предполагается продавать их по возможно удешевленным ценам и частью раздавать бесплатно за счет Феодоровско-Сергиевского братства» [80].

Через епархиальный журнал братство пригласило благочинных и приходских священников делать предварительные заказы на нательные образки. В конце 1912 года приглашение было повторено, с просьбой к благочинным, еще не сделавшим предварительный заказ – поспешить с доставкой сведений о потребности приходов в юбилейных образках [81]. А на ежегодном общем собрании Феодоровско-Сергиевского братства 25 ноября 1912 года председатель совета братства, протоиерей Благовещенской церкви города Костромы Александр Горицкий сообщил, «что по испрошенному Его высокопреосвященством высокопреосвященнейшим архиепископом Тихоном благословению Святейшего Синода, советом братства в память и в ознаменование предстоящего 300-летия царствования Дома Романовых заготовлено юбилейных нательных образков медных и серебряных на 3150 рублей и разослано уже таковых разным лицам и учреждениям на 1600 рублей» [82].

Для ознакомления с ходом приготовлений к празднованию 300-летия Дома Романовых 27 сентября 1912 года Кострому посетил обер-прокурор Святейшего Синода Владимир Карлович Саблер. Прибыв в город с утренним поездом, высокий гость начал свой визит, по обычаю, с молитвы пред чудотворной Феодоровской иконой Богоматери.

«С вокзала Его высокопревосходительство вместе с преосвященным Тихоном, в сопровождении других встречавших лиц, проследовал в кафедральный собор, где выслушал краткое молебное пение. Кафедральный протоиерей П. Крутиков обратился к Его высокопревосходительству с речью и поднес в благословение от собора Феодоровскую икону Божией Матери. По осмотре собора и его древних святынь, Его высокопревосходительство изволил отбыть в покои Его преосвященства в Ипатьевском монастыре» [83].

Осмотрев затем Ипатьевскую обитель и строившуюся при ней церковно-приходскую школу, посетив Иоанно-Богословскую церковь в Ипатьевской слободе, духовную консисторию, Богоявленско-Анастасиин женский монастырь, Воскресенскую церковь на Нижней Дебре и духовную семинарию, В.К. Саблер завершил свой визит посещением литературно-музыкально-вокального вечера в епархиальном женском училище. Ранним утром 28 сентября, также на поезде, обер-прокурор Синода отбыл из Костромы.

10 января 1913 года в Царском Селе под Санкт-Петербургом, в Александровском дворце, император Николай II принял депутацию от костромского Ипатьевского монастыря, возглавляемую епископом Костромским и Галичским Тихоном. В состав депутации входили духовник обители иеромонах Виталий, ризничий иеромонах Макарий и иеродиакон Ипатий.

«Преосвященный Тихон обратился к государю императору с краткой приветственной речью и благословил Его величество Феодоровской иконой Божией Матери – родовой иконой царствующего Дома Романовых. На иконе следующая надпись: "Феодоровская икона Богоматери, Еяже изволением от людей Российския земли умолен бысть на царство благоверный государь Михаил Феодорович – родоначальник царствующего Дома Романовых. 1613–1913"» [84].

Такой же список с чудотворного Феодоровского образа Пресвятой Богородицы был поднесен наследнику цесаревичу Алексею. Императрице Александре Феодоровне депутация в благословение от Ипатьевской обители поднесла список с чтимой монастырской святыни – Тихвинской иконы Божией Матери, а царским дочерям – четыре иконы священномученика Ипатия, епископа Гангрского.

21 февраля 1913 года Кострома вместе со всей Россией отметила официальную дату юбилея Дома Романовых (в тот же день императорским рескриптом владыка Тихон был удостоен сана архиепископа), а 13–14 марта здесь состоялись особые торжества, посвященные воспоминанию событий 300-летней давности и чествованию Феодоровской иконы Богородицы.

«Великий исторический день 14 марта, в который Михаил Феодорович Романов 300 лет назад, умоленный московским посольством, в Ипатьевской обители принял царство, ознаменован в Костроме торжественным празднованием, причем центром празднования был Ипатьевский монастырь.

Накануне, 13 марта, во всех городских церквях, равно и во всех церквях епархии, после литургии Преждеосвященных Даров была совершена царская панихида с поминовением родителей первого царя из Дома Романовых – блаженнейшего патриарха Филарета и инокини Марфы, государей – царей, императоров, императриц и всех от рода царей и великих князей из Дома Романовых преставльшихся. Особенно торжественна была панихида в Ипатьевском монастыре, совершенная высокопреосвященнейшим архиепископом Тихоном. В духовной семинарии после панихиды на всех учащихся, когда они прикладывались ко кресту, были возложены юбилейные сребропозолоченные образки Феодоровской Божией Матери и всем же роздана юбилейная брошюра "Три века на Руси" (...)» [85].

13 марта в 2 часа дня по обычаю в Богоявленском кафедральном соборе Костромы было совершено молебное пение Богородицы, которое возглавили архиепископ Тихон и специально прибывший на торжества уроженец Костромы епископ Михайловский Амвросий, викарий Рязанской епархии. Но затем, в отличие от традиционного порядка празднования этого дня, чудотворная икона Царицы Небесной отправилась в Ипатьевскую обитель.

«По окончании молебна, около четырех часов пополудни, начался величественный крестный ход из кафедрального собора в Ипатьевский монастырь для перенесения сюда св[ятой] иконы Феодоровской Божией Матери. В крестном ходе, во главе с высокопреосвященным архиепископом Тихоном и преосвященным епископом Амвросием, шло все городское духовенство. Диакон городских церквей, в облачениях, и псаломщики стройным хором громогласно исполняли церковные песнопения. Впереди их шли воспитанники духовной семинарии, сопровождаемые своими воспитателями во главе с ректором семинарии, принимая участие в пении поочередно с хором диаконов и псаломщиков. Трогательно-умилительно и могуче было это общее пение четырех сотен воспитанников семинарии; молодость и нежность их голосов сообщали их одушевленному пению особую прелесть. По всему пути крестного хода стояли войска, образуя непрерывную цепь, и изредка, в назначенные заранее времена, играла военная музыка. Крестный ход сопровождали г[енерал] начальник губернии, в большом числе военные и гражданские чины разных ведомств и многотысячная масса народа. Около 5 часов вечера крестный ход, переправившись по мосту чрез реку Кострому, приблизился к Ипатьевскому монастырю и вступил в него.

С 6 часов вечера в Рождество-Богородичном храме Ипатьевской обители высокопреосвященным Тихоном, в сослужении некоторых лиц городского духовенства и монастырской братии, совершено торжественное всенощное бдение при пении архиерейского хора, закончившееся в десятом часу. (...)

На следующий день, 14 марта, литургию св[ятителя] Иоанна Златоуста в том же Рождество-Богородичном храме совершал высокопреосвященный архиепископ Тихон при большом стечении молящихся, как и накануне на всенощном бдении. К концу литургии прибыли преосвященный епископ Михайловский Амвросий, совершивший в этот день литургию в кафедральном соборе, и все городское духовенство, в сослужении которого Его высокопреосвященством был совершен благодарственный молебен с прочтением в конце его, преклонше колена, особой, установленной

Святейшим Синодом юбилейной молитвы. Пред началом молебна прочитана высочайшая грамота, дарованная Ипатьевскому монастырю 21 февраля. Весьма торжественно было это молебное пение, совершенное двумя архипастырями в сослужении многочисленного духовенства в юбилейных облачениях, нарочито изготовленных для юбилейных торжеств 1913 года, – при одушевленном художественном пении архиерейского хора в полном составе и в парадных облачениях, также недавно изготовленных для юбилейных торжеств; в обновленном храме, блещущем новой позолотой иконостаса и киотов и новой же прекрасной стеной росписью и переполненным молящимися, значительную часть которых составляли представители ведомств в парадных формах и при знаках отличия.

Молящимся были розданы от монастыря, при окончании молебна, юбилейные образки Феодоровской Божией Матери и юбилейная книга "Россия под скипетром Романовых" (издание высочайше учрежденного комитета для устройства празднования трехсотлетия царствования Дома Романовых). Феодоровско-Сергиевское братство также раздавало в этот день юбилейные брошюры своего издания» [86].

Автор цитируемой статьи сообщает интересную подробность: за праздничными богослужениями в Богоявленском кафедральном соборе Костромского кремля пели все воспитанники духовной семинарии – около четырехсот человек.

«Не лишен был архиерейского служения в знаменательный день 14 марта и самый город. Здесь, в кафедральном соборе, всенощное бдение 13 марта и литургию с благодарственным молебном 14-го совершил преосвященный Михайловский Амвросий в сослужении ректора семинарии и соборных протоиереев. Все положенное для пения на всенощном бдении, литургии и благодарственном молебне было исполнено воспитанниками духовной семинарии – общим пением, причем стихиры (на литии, на стиховне, на Господи возвах) исполнены общим же пением с канонархом. Лишь малые ектении и некоторые краткие песнопения исполнял на левом клиросе особый хор воспитанников же семинарии в составе около 30 человек. Общее пение семинаристов, в числе около 400, было стройное и могучее» [87].

Днем 14 марта 1913 года в Костромском духовном училище состоялись два торжественных акта – для воспитанников училища и для учеников церковно-приходских школ города Костромы. Вечером 14 марта в зале Дворянского собрания прошло торжественное собрание Костромского церковно-исторического общества, на котором – кроме высших чинов губернии – присутствовал посетивший Кострому товарищ министра внутренних дел генерал-майор Джунковский.

В тот же день 14 марта 1913 года в Ярославском женском училище духовного ведомства (город Ярославль) состоялось открытие попечительства во имя Феодоровской Божией Матери для вспомоществования нуждающимся воспитанницам училища. Устав попечительства был утвержден 12 октября 1912 года архиепископом Ярославским и Ростовским Тихоном – святителем, будущим патриархом Московским и всея России. Наименование попечительства в честь костромской святыни можно объяснить как особым почитанием, которое ярославцы оказывали чудотворной Феодоровской иконе Богородицы с XVII века, так и исторической связью училища с Костромской землей:

«Попечительство учреждается во имя Феодоровской Божией Матери, под благословением Которой основано было Ярославское женское училище духовного ведомства – первоначально в городе Солигаличе Костромской губернии. Учреждается оно в память трехсотлетия царствования Дома Романовых и имеет целью оказывать помощь воспитанницам Ярославского женского училища духовного ведомства, как обучающимся, так и окончившим» [88].

С начала XX века и до 1917 года Кострому продолжали посещать представители царственного Дома: сюда приезжала великая княгиня Елизавета Феодоровна (преподобномученица великая княгиня

Елисавета, + 1918), в 1916 году в город приезжал великий князь Николай Михайлович. Однако самым знаменательным и ярким таким посещением стал визит в Кострому 19–20 мая 1913 года императора Николая II и царской семьи, состоявшийся в ходе празднования исторического юбилея 300-летия царствования Дома Романовых.

19 мая императора Николая II, императрицу Александру Феодоровну, наследника цесаревича Алексея, великих княжен Ольгу, Татиану, Марию и Анастасию, других представителей царственного Дома и сопровождающих их лиц торжественно встречали в Ипатьевском монастыре. Архиепископ Костромской и Галичский Тихон сопровождал высочайших гостей, а викарный епископ Кинешемский Арсений возглавил крестный ход с чудотворной Феодоровской иконой Божией Матери из Костромского кремля в Ипатьевскую обитель, напоминавший о событиях трехсотлетней давности.

«Ее императорское величество с наследником цесаревичем изволили проследовать прямо в Троицкий собор, а государь император с августейшими дочерьми в предшестве духовенства, особ императорской фамилии, высших чинов империи, придворных дам, придворных чинов и кавалеров и лиц свиты великих княгинь и великих князей соизволил направиться через Екатерининские ворота Ипатьевского монастыря навстречу приближавшемуся к стенам этой древней обители торжественному крестному ходу, сопровождавшему наиболее чтимую святыню города Костромы, ее небесную покровительницу, чудотворную Феодоровскую икону Царицы Небесной.

Этот необычный для Костромы по числу участвующих лиц, особой торжественности и благолепию крестный ход во главе с преосвященным Арсением, епископом Кинешемским, викарием Костромской епархии, шествовал сначала по берегу реки Волги параллельно судам царской флотилии, затем, поднявшись по Пятницкой улице, мимо церкви святых Богоотец Иоакима и Анны, места погребения великого князя Василия Костромского, продолжал шествие по Мшанской улице до церкви святых бессребреников Космы и Дамиана. Переждав здесь некоторое время, крестный ход в сопровождении бесчисленной толпы народа направился далее, к Ипатьевскому монастырю, через наплавной мост на реке Костроме и прибыл к Екатерининским воротам Ипатьевского монастыря как раз в тот самый момент, когда Его императорское величество изволили выходить из стен обители. (...)

Пройдя несколько шагов от Екатерининских ворот по направлению к реке Костроме, государь император встретил крестный ход и, призвав благословение от преосвященного, благоговейно приложился к святому образу чудотворной иконы Феодоровской Божией Матери. Его примеру последовали и его августейшие дочери.

По выполнении этого трогательного обряда Его императорское величество с великими княжнами, в предшестве высшего духовенства и в сопровождении особ императорской фамилии и всех прочих, ранее перечисленных лиц изволил возвратиться обратно в стены Ипатьевской обители и направился в Троицкий собор» [89].

После Божественной литургии в Троицком соборе обители государь посетил дворец царя Михаила Феодоровича (палаты бояр Романовых), где в преддверии юбилейных торжеств было открыто древнехранилище – церковно-археологический музей, созданный Костромским церковно-историческим обществом.

«По общем обзоре Их величествами Троицкого соборного храма государь император с наследником цесаревичем, в сопровождении архиепископа Тихона, особ императорской фамилии, в 12 ½ часов дня изволил посетить Палаты царя Михаила Феодоровича, в которых помещается обширное и богатое древнехранилище Костромского церковно-исторического общества. Встреченный во входной палате председателем общества, заведующим древнехранилищем И. Баженовым, государь и сопровождавшие его лица проследовали в главную палату, в которой были сосредоточены находившиеся ранее в ризнице древнейшие иконы Ипатьевского монастыря. В ряду их обращено

было внимание государя на большой складень – Феодоровскую икону Божией Матери, бывшую в молельной Михаила Феодоровича во время пребывания его в этих палатах (прежде наместнических) в феврале–марте 1613 года...» [90].

Среди предметов, расположенных в других комнатах древнехранилища, государю и членам царской семьи продемонстрировали драгоценную цату и рясны, приложенные царем Михаилом Феодоровичем и его матерью великой инокиней Марфой Иоанновной к чудотворной Феодоровской иконе Пресвятой Богородицы.

На следующий день, 20 мая, император Николай II с семейством и сопровождающие их лица утром прибыли в Костромской кремль, в Успенский кафедральный собор. Здесь их встречало духовенство, возглавляемое архиепископом Костромским и Галичским Тихоном, епископом Рязанским Димитрием (приглашенным в Кострому в память о том, что в событиях 1613 года участвовал архиепископ Феодорит) и епископом Кинешемским Арсением, викарием Костромской епархии. Царственные гости приложились к поднесенному им кресту и затем, окропленные святой водой, вошли в собор.

«Здесь высокопреосвященный Тихон и епископы Димитрий и Арсений встали на приготовленное заранее архиерейское место, а Их императорские величества и Их императорские высочества, благоговейно сотворивши поклонение при входе в собор, при пении певчими тропаря Феодоровской Божией Матери "Пришествием честныя Твоя иконы, Богоотроковице..." изволили приложиться к великой местной святыне, чудотворному образу Феодоровской Божией Матери.

Приложившись к иконе, Их императорские величества государь император и государыня императрица, сопутствуемые Их императорскими высочествами наследником цесаревичем и великими князьями, изволили проследовать к солее и встать на заранее приуроченное царское место.

После сего высокопреосвященный архиепископ Тихон в сопровождении соборных протоиереев, державших на особых пеленах святые иконы, подошел к царскому месту и обратился к Их императорским величествам со следующей речью:

"Ваши императорские величества!

Когда благоверный государь Михаил Феодорович, после долгого раздумья и неоднократных отказов, изъявил наконец свое согласие принять царский скипетр державы Российской – это было три века назад в Костроме, в Ипатьевском монастыре, – тогда родительница его старица-инокия Марфа Иоанновна, взяв сына своего за руку и вместе с ним преклонив колена пред чудотворной Феодоровской иконой Божией Матери, произнесла эти знаменательные слова: "Се Тебе, о Богомати, в Твои пречистые руки вверяю сына моего. Наставь его на истинный путь, устрой все полезное ему и всему христианству". Феодоровской же иконой Божией Матери она благословила потом сына своего на царство.

С тех пор Феодоровская Богоматерь является всегдашней Помощницей и Покровительницей наших православных русских царей из Дома Романовых.

Ее всемогущий благодатный покров да будет неизменно распростерт и над вами, благочестивейший государь и благочестивейшая государыня, над благоверным государем наследником цесаревичем и над всем царствующим Домом.

Костромской кафедральный собор бьет челом Вашим императорским величествам. Благоволите принять в благословение эти святые иконы Феодоровской Божией Матери".

Благословив государя императора, государыню императрицу и наследника цесаревича подносимыми от костромского кафедрального собора иконами Феодоровской Божией Матери, высокопреосвященный Тихон начал служение торжественного молебна в сослужении двух епископов, восемнадцати архимандритов и протоиереев и при участии полного хора архиерейских певчих» [91].

Во время молебна началось шествие из Успенского собора к месту закладки памятника в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых.

«Впереди всего шествия к месту закладки памятника следовал ключарь собора протоиерей Краснопевцев, за ним соборный диакон с запрестольным крестом, затем два соборных псаломщика несли две малых хоругви; за ними следовал в полном составе архиерейский хор певчих, попарно, с пением тропаря Феодоровской иконе Божией Матери и стихир Пасхи по порядку; за певчими шло духовенство – восемнадцать архимандритов и протоиереев, попарно; затем образ Феодоровской иконы Божией Матери, несомый на пелене руками двух протоиереев; вслед за иконой Феодоровской Богоматери шли два архимандрита, несущие святой крест и святое евангелие, а по сторонам их два псаломщика с рипидами и за ними иподиаконы с дикирием и трикирием. Вслед за сим следовали архиереи: высокопреосвященный Тихон и епископы Дмитрий и Арсений, а при них, по сторонам, протодиакон и диакон, три псаломщика и свещеносец.

Вслед за крестным ходом изволили шествовать Их императорские величества государь император и государыня императрица в сопутствии Их императорских высочеств наследника цесаревича и великих княжен и в сопровождении (...) особ императорской фамилии, особ свиты, высших и придворных чинов и высших должностных лиц Костромской губернии» [92].

На месте закладки памятника (фундамент которого был устроен заранее и выведен до уровня первой площадки) процессия остановилась. Царская семья разместилась в специально устроенном близ будущего памятника шатре, началось служение водосвятного молебна – после которого соборный протодиакон огласил текст надписи на закладной доске памятника. Император и члены царской семьи положили в основание монумента юбилейные рубли и именные кирпичи, а поверх именных кирпичей была возложена большая каменная плита. Затем крестный ход возвратился в Успенский собор.

Торжества в честь 300-летия Дома Романовых, прошедшие по всей Российской империи, способствовали приумножению славы чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери как семейной святыни царского Дома, осенившей благословением Царицы Небесной начало его исторического пути. Однако здесь не обошлось без курьеза – который, впрочем, имел весьма интересные последствия.

26 мая 1913 года, то есть всего через несколько дней после костромских торжеств, император Николай II посетил Новоспасский мужской монастырь в Москве. Как сообщила издававшаяся при Святейшем Синоде газета «Церковные ведомости» в № 24 за 15 июня того же года, в крестном ходе при встрече государя в обители «была несена чудотворная икона Феодоровской Божией Матери, которой мать царя Михаила Феодоровича благословила его на царство» [93].

Такая публикация – причем размещенная в официальном церковном издании – удивила и встревожила костромичей: ведь общеизвестно было, что такая икона находится в Костроме! 24 июля архиепископ Костромской и Галичский Тихон письменно поручил Костромскому церковно-историческому обществу «путем научного обследования об иконе в печати восстановить историческую истину» [94]. Постановлением от 29 августа совет КЦИО возложил такую задачу на председателя общества И.В. Баженова, и в свою бытность в Москве 20–21 октября 1913 года Иван Васильевич отправился в Новоспасский монастырь.

Недоумение разъяснилось довольно быстро. Как впоследствии докладывал И.В. Баженов, встретивший его настоятель обители архимандрит Макарий продемонстрировал ему ту самую Феодоровскую икону и заверил, что «икона эта никогда не была признаваема чудотворной и не причисляется к разряду местночтимых святынь» [95]. Отец архимандрит сообщил Ивану Васильевичу также монастырское предание о том, что «находящаяся в Новоспасском монастыре Феодоровская икона Богоматери есть копия с той иконы, которой инокиня Марфа благословила Михаила Феодоровича, написанная тотчас по прибытии новоизбранного царя в Москву» [96].

Впрочем, И.В. Баженов усомнился и в этом предании: осмотрев образ Богоматери в Новоспасской обители, он убедился, что монастырская икона переписывалась (реставрировалась), а само ее создание Иван Васильевич – прекрасно разбирающийся в иконописи – отнес лишь к началу XVIII века. Казалось бы, на этом поставленная перед председателем КЦИО задача была выполнена, необоснованность утверждения газетной публикации доказана. Однако И.В. Баженов решил разобраться и с другим недоумением по поводу благословения Михаила Феодоровича на царство, уже костромского происхождения. Роль чудотворной Феодоровской иконы Богоматери в событиях 14 марта 1613 года была общеизвестна и особенно ярко подчеркнута прошедшими юбилейными торжествами. Но в Ипатьевском монастыре хранилась еще одна Феодоровская икона, считавшаяся материнским благословением юному царю Михаилу:

«По достоверному преданию Ипатьевского монастыря, Феодоровская икона Богоматери, кою инокиня Марфа Ивановна благословила сына Михаила Феодоровича на царство, находится в Троицком соборном храме его» [97].

Результаты своих исследований – как по образу из Новоспасского монастыря, так и по иконе из Ипатьевской обители – И.В. Баженов изложил 1 июня 1914 года на годичном собрании КЦИО в актовом зале епархиального женского училища в Костроме. Его доклад (реферат) назывался «Справедливо ли мнение, что Феодоровская икона Божией Матери в московском Новоспасском монастыре есть именно та древняя икона, которой был благословлен на царство сын ее [инокини Марфы – М.Ф.] Михаил Феодорович?» [98]. Однако особую ценность докладу, с нынешней точки зрения, придавала та его часть, которая не была отражена в названии – а именно сведения о чтимой Феодоровской иконе Божией Матери, пребывавшей в Ипатьевском монастыре (до нашего времени, к сожалению, не сохранившейся), и гипотеза о том, почему предание обители считает именно этот образ Царицы Небесной материнским благословением царю Михаилу Феодоровичу.

Выступая на годичном собрании КЦИО 1 июня 1914 года, И.В. Баженов сначала изложил результаты своей поездки в московский Новоспасский монастырь, а затем стал говорить о Феодоровском образе из Ипатьевской обители.

«В противоположность этой иконе Новоспасского монастыря имеет достаточные данные для признания старинной и благословенной от инокини Марфы сыну ее Михаилу Феодоровичу та Феодоровская икона Богоматери, которая, как местная, находится на левой стороне от царских врат в приделе во имя преподобного Михаила Малеина при Троицком соборном храме Ипатьевской обители» [99].

В другом сочинении И.В. Баженова – очерке 1909 года «Костромской Ипатьевский монастырь» – этот образ описывается так:

«В этом приделе [во имя преподобного Михаила Малеина – М.Ф.] внимание посетителя привлекают икона – копия с чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери с резной кипарисной панагией с мощами, с цатой и оглавием, сплошь унизанными крупным жемчугом (каковой иконой, по преданию, инокиня Марфа Ивановна благословила сына Михаила Феодоровича на царство)...» [100].

Современный исследователь С.Г. Виноградова отмечает, что украшения для иконы были пожертвованы царем Михаилом Феодоровичем и его матерью при посещении Костромы осенью 1619 года.

«Образ был украшен серебряным позолоченным басменным окладом с жемчужным убрусом и цатой с чеканным изображением на ней Пресвятой Троицы. Мать царя Михаила Феодоровича приложила к Феодоровскому образу, как подвес, двустороннюю иконку-мошевик, выполненную на Афоне в технике сквозной резьбы по кипарису. Сохранившаяся до наших дней, иконка имеет по торцу серебряную оправу, на которую напаяны 11 глухих кастов с мощами святых угодников Божиих. Из всех царских вкладов к чудотворной иконе Феодоровской Божией Матери и ее спискам, до наших дней сохранилась лишь эта икона-мошевик, представленная ныне в экспозиции Церковного историко-археологического музея Костромской епархии Русской Православной Церкви» [101].

Продолжая свой доклад 1 июня 1914 года, Иван Васильевич Баженов указал, что еще в первой половине XIX века ипатьевский список Феодоровской иконы пребывал не в приделе во имя преподобного Михаила Малейна, а в иконостасе самого Троицкого собора, причем на особенно почетном месте – над царскими вратами.

«В сохраняющейся в ипатьевском [монастырском – М.Ф.] архиве описи этого храма от 1855 года, сделанной на основании описи от 1834 года, значится, что в предалтарном иконостасе его "над царскими вратами над сенью и ковчегом с частями Ризы Спасителя и мощей святых находится в киоте деревянный резной и вызолоченный образ Пресвятыя Богородицы Феодоровския в меру чудотворного Ея образа". Отсюда, из самого такого помещения этой иконы наряду с присланной в 1626 году царем Михаилом Феодоровичем в Троицкий Ипатьевский собор величайшей святыней (...), г[-н] Баженов заключает, что трактуемой Феодоровской иконе Ипатьевского монастыря чрез самое помещение ее над царскими вратами исстари придавалось высокое значение, вероятно, в качестве дарственного царского образа в Троицкий собор, в котором и поставлена была она на столь видном месте» [102].

Кроме того, И.В. Баженов указал на признаки древности Феодоровской иконы из Ипатьевской обители: то, что она уже поновлялась – реставрировалась (как предположил Иван Васильевич, в 1767 году, перед приездом в Кострому императрицы Екатерины II); старинный стиль исполнения надписей на иконе и на ризе (так, имя Иисус изображено надписанием ИС, а не как писалось позднее – ИИС); серебряно-позолоченный оклад на иконе «по древним стилю и характерным украшениям своим должен быть отнесен к XVII веку» [103]. Исходя из этих признаков, Иван Васильевич в своем докладе «пришел к тому общему заключению, что та Феодоровская икона Божией Матери, которая помещается в иконостасе придела во имя преподобного Михаила Малейна, должна быть по справедливости отнесена по происхождению ко временам до половины XVII века» [104].

Теперь И.В. Баженову предстояло разрешить основное недоумение: какой из икон, собственно чудотворной Феодоровской или хранящихся в Ипатьевской обители списком, инокиня Марфа благословила своего сына на царство? Иван Васильевич предложил такое решение проблемы:

«Положительно признавая историческим то, что на подвиг управления российским государством Михаила Феодоровича благословила мать его инокиня Марфа чудотворной Феодоровской иконой Богоматери, референт [И.В. Баженов – М.Ф.] в виду этого и для выяснения происхождения непрерывного в Ипатьевском монастыре предания о находящейся в приделе преподобного Михаила Малейна Феодоровской иконе, при наличности указанных признаков ее древности, принял следующее представление. Инокиня Марфа Ивановна от обители благословила сына своего Михаила Феодоровича на царственные подвиги при самом отъезде его 19 марта 1613 года из Ипатьевского монастыря этой Феодоровской иконой Богоматери, которая затем и стала достоянием монастыря и, как такая, была помещена на самом видном месте – над царскими вратами Троицкого

соборного храма, и затем уже на настоящем месте – в приделе, устроенном царем Алексеем Михайловичем в благодарное воспоминание о первом царе из Дома Романовых. И с тех-то древних времен за этой Феодоровской иконой Богоматери упрочилось доселе живое представление о ней как благословенной для царя Михаила Феодоровича, которое, как видели, подтверждается археологическими данными, чего между тем нельзя сказать о Феодоровской иконе Новоспасского м[осковского] монастыря» [105].

Определенный символизм И.В. Баженов видел в том, что ипатьевский список Феодоровской иконы 19 мая 1913 года встречал у Зеленой башни монастыря – там, где 19 марта 1613 года братия обители простилась с царем Михаилом Феодоровичем – императора Николая II и его семью.

«Как бы в подтверждение такого происхождения и притом высокого значения Ипатьевской иконы этой для царствующего Дома Романовых, в торжественном крестном ходе 19 мая 1913 года, при встрече государя императора и его августейшего семейства костромскими высшими духовными и гражданскими чинами у Зеленой башни Ипатьевского монастыря, и была принесена, наряду с другими реликвиями времени воцарения Михаила Феодоровича, и эта, что в приделе Троицкого собора, Феодоровская икона Божией Матери, в лице родоначальника династии Романовых как бы благословившая и августейшего потомка – императора Николая Александровича со всей его фамилией» [106].

Предположение И.В. Баженова о благословении царя ипатьевским списком чудотворной иконы именно 19 марта, при отбытии матери и сына Романовых в Москву, могло бы показаться надуманным – если бы этот день, 19 марта 1613 года, не имел особого значения в последовательности событий воцарения Михаила Феодоровича. И дело здесь не только в том, что указание на этот день сохранялось в посвящении устроенного в Ипатьевском монастыре в XIX веке храма во имя святых мучеников Хрисанфа и Дарии (память 19 марта по старому стилю), а также в построении (при строительстве в 1642–1645 годах каменных стен и башен монастырского Нового города) Зеленой башни (названной так по покрытию зеленой обливной черепицей) на месте прощания 19 марта царя с костромичами. Подробнее эту тему мы изложим в отдельной работе; пока же скажем, что сам период нахождения царя Михаила Феодоровича в Ипатьевской обители после царского наречения – с 14 по 19 марта 1613 года – определялся не случаем: день царского отъезда в Москву, так же как и другие обстоятельства, призван был подчеркнуть определенную историческую аналогию.

Следует отметить, что другой выдающийся костромской церковный историк и краевед протоиерей Павел Островский также говорил о благословении царя списком с Феодоровской иконы, но высказывал иное мнение о дальнейшей судьбе данного списка: по И.В. Баженову, эта икона осталась в Ипатьевской обители, по отцу Павлу – была отвезена в Москву. В своем известном сочинении, изданной в 1864 году книге «Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестно-чтимой в императорском Доме Романовых», отец Павел сначала обращался к сведениям из книги «Памятники московских древностей» в части описания придворной Богородице-Рождественской церкви Московского Кремля, которая в XVII веке считалась собором и называлась «в верху на сених царицы»:

«Из местных образов особенно достопримечательна икона Феодоровской Богоматери, принесенная в Москву из Костромы матерью царя Михаила Феодоровича. Хотя этот образ искусного письма в доличном несколько и поновлен, но сохранил свой древний тип. До 1812 года его покрывали богатые украшения, приложенные усердием и благоговением русских царей и цариц. Под самой иконой на доске читается следующая надпись: "1711 г. месяца марта при благочестивейшем государе, царе и великом князе Петре Алексеевиче, всея Великия и Малыя и Белья России самодержце, обновлена икона Пресвятая Богородицы, именуемая Феодоровская, повелением великия государыни благородныя царевны и великия княжны Марии Алексеевны, писанием и украшением золотом и

сребром, и камени драгоценными и жемчугом". Сему обетному образу ежегодно с 1613 года праздновали 14 марта, в память избрания [здесь отец Павел сделал примечание: "Избрание было в Москве 21 февраля, а в Костроме 14 марта было воцарение" – М.Ф.] на царство Михаила Феодоровича» [107].

Далее отец Павел указывал, что в 1812 году украшения с этой иконы были похищены.

«Нынешний богатый сребропозлащенный оклад с венцами, украшенными жемчугом и драгоценными камнями, возложен на образ Богоматери усердием, как видно из подписи на окладе, благочестивейшего государя императора Николая I в 1849 году, вероятно, одновременно с освящением нового кремлевского дворца» [108].

И, наконец, отец Павел Островский излагал свою версию событий 1613 года.

«Предание о том, что Феодоровская икона, находящаяся в Ипатьевском монастыре, есть та самая, которой благословила инокиня Марфа Иоанновна сына своего Михаила Феодоровича на царство, не имеет твердых оснований: оно не сохранилось ни в каких записях монастыря и не согласно с сказанием книги "Памятники московских древностей" о Феодоровской иконе (принесенной из Костромы в Москву матерью царя Михаила Феодоровича), находящейся в придворной Рождественской церкви в Московском Кремле. Вернее предположить можно, что принесенная из Костромы в Москву Марфой Иоанновной икона есть та, которой она благословила Михаила Феодоровича на царство, а в Ипатьевском монастыре оставлена, или прислана сюда из Москвы, копия с той иконы, на память совершившегося в Ипатьевском монастыре события – воцарения Михаила Феодоровича» [109].

Для нас в данном вопросе важно не столько то, где пребывала ставшая материнским благословением Феодоровская икона (список с чудотворной) – в Костроме или в Москве; действительно важно то, что предположение И.В. Баженова о состоявшемся 19 марта 1613 года благословении царя инокиней Марфой разрешает неопределенность в воздаянии подобающей чести Феодоровской иконе как святыне, осенившей начало царственного пути Дома Романовых.

Добавим, что на том же годичном собрании КЦИО 1 июня 1914 года докладывалось о состоявшемся издании в 1913 году «Юбилейного сборника Костромского церковно-исторического общества» [110], в материалах которого многократно затрагивались темы, связанные с чудотворной Феодоровской иконой Божией Матери.

«В начале 1913 года "Юбилейный сборник Костромского церковно-исторического общества в память 300-летия царствования Дома Романовых" был напечатан губернской типографией в Костроме; издание сборника обошлось КЦИО в 633 рубля 31 копейку. причем 100 рублей на эти цели были пожертвованы владыкой Тихоном. В состав сборника входили: статьи И.В. Баженова – "Данные относительно пребывания царя Михаила Феодоровича Романова в Ипатьевском монастыре в начале 1613 года", "Призвание боярина Михаила Феодоровича Романова на Московский и всея Руси царский престол", "Вклады царя Михаила Феодоровича, сохранившиеся донныне в церквях и монастырях Костромской епархии", "Одноколка царя Михаила Феодоровича и Марфы Ивановны Романовых"; статьи священника Михаила Раевского – "Избрание на царство Михаила Феодоровича Романова" и "Посещения Макарьевского Унженского монастыря царем Михаилом Феодоровичем"; стихиры Пятидесятницы из старинных нотных рукописей нотной библиотеки костромского архиерейского хора» [111].

Празднование 300-летия царского Дома послужило причиной для чествования Феодоровской иконы Божией Матери в тех местностях, где костромская святыня ранее не пользовалась широкой известностью. Так, 10 августа 1913 года в Севастополе состоялось освящение новой часовни в честь

Феодоровской иконы Пресвятой Богородицы; инициатором ее строительства был костромской уроженец подполковник Н.В. Ратьков. В письме протоиерею Алексию Андроникову, настоятелю Борисоглебской церкви города Костромы, отмечавшему 13 сентября 1914 года шестидесятилетие своего священнослужения, Ратьков – поздравляя отца Алексия, знакомого ему еще с детских лет, с юбилеем – писал о севастопольской часовне:

«В знак моего глубокого к Вам уважения почтительнейше прошу Вас принять от меня на память прилагаемое открытое письмо с видом сооруженной в Севастополе по моей инициативе часовни в память 300-летнего царствования Дома Романовых во имя Феодоровской Божией Матери, об образе Которой здесь никто почти не имел никакого представления. Благодаря отзывчивости моих дорогих земляков эта часовня имеет чудный образ этой нашей святыни, пожертвованный костромским дворянством. Одной из главных особенностей этой часовни является увенчивающий ее по высочайшему повелению крест, добытый по моим хлопотам из Парижа, где он находился 57 лет, будучи увезен туда французами в 1855 году с разрушенной при осаде Севастополя стоявшей на месте часовни церкви святого равноапостольного князя Владимира. Часовня освящена 10 августа 1913 года в высочайшем присутствии. Каждое воскресенье в ней служитя молебен с акафистом Феодоровской Божией Матери, при чем поют любители, аккуратно посещающие эти службы» [112].

11 июля 1914 года император Николай II утвердил доклад Святейшего Синода о переводе архиепископа Костромского и Галичского Тихона на Курскую кафедру и о назначении на служение в Кострому епископа Приамурского и Благовещенского Евгения (Бережкова), а вскоре Россия вступила в Первую мировую войну. Обстоятельства отъезда из Костромы прослужившего здесь более девяти лет владыки Тихона и встречи костромским духовенством своего нового архипастыря подчеркивают то значение, которое имела чудотворная Феодоровская икона Божией Матери для церковной жизни Костромской земли.

Архиепископ Тихон покинул Кострому вечером 3 августа 1914 года, отправившись на поезде в Москву. Непосредственно перед отъездом он совершил в Успенском кафедральном соборе, пред ликом чудотворного образа Богородицы, молебен с акафистом.

«3 августа, с 5 часов вечера, владыка совершил в кафедральном соборе молебен с чтением акафиста Божией Матери. Собор был переполнен молящимися до тесноты. Собралось многочисленное городское духовенство. По окончании молебна высокопреосвященный Тихон обратился к молящимся с кратким прощальным словом. Едва начал владыка говорить, как среди молящихся послышался в разных местах плач, сначала тихий, потом постепенно усиливавшийся и охватывавший все большее и большее число молящихся. Сам владыка был глубоко взволнован, и речь его была особенно прочувствованная» [113].

По окончании слова архиепископа Тихона к нему обратился настоятель Успенского кафедрального собора протоиерей Павел Крутиков; в заключение своей речи он поднес владыке Тихону список с главной святыни Костромы, сказав при этом:

«Усердно просим Вас, святитель Христов, на память о сем святом храме, о святом общении здесь с пастырями и пасомыми и о нас, бывших Ваших сослуживцах, принять образ пребывающей здесь святыни Русской земли – Феодоровской чудотворной иконы Божией Матери» [114].

Вечером 16 сентября 1914 года Кострома встречала своего нового архипастыря, епископа Евгения (Бережкова). Прибыв в город на поезде, владыка переправился через Волгу на пароме (поскольку железнодорожный вокзал располагался тогда на правом берегу Волги) и сразу отправился в Успенский кафедральный собор. Здесь его приветствовал тот же протоиерей Павел Крутиков; далее мы процитируем первую половину приветственного слова отца Павла, посвященную чудотворной Феодоровской иконе Пресвятой Богородицы.

«Ваше преосвященство, преосвященнейший владыко, милостивый архипастырь наш.

Святой храм, в котором [Вы] вступаете на свою святительскую кафедру и начинаете свое общение со вверенной Богом Вам костромской паствой, хранит в себе благодатное сокровище – Феодоровскую чудотворную икону Божией Матери. От древних лет в шестивековой глубине, когда еще только устраивалась Русская земля во единое целое и только еще слагалась русская государственность, Господь благословил верующий и верный Ему Костромской край явлением Феодоровской чудотворной иконы Божией Матери (1259–1274). В течение шести веков под благодатным осенением этой церковной святыни костромские люди воспитывались и крепили в православной вере и благочестии, в любви к Церкви и отечеству, в преданности и верности богоустановленной церковной власти и самодержавной власти помазанника Божия. Неисчислимы видимые и невидимые благодеяния и милости Божии чрез святую Феодоровскую икону в местном населении и на всю Русскую землю и на державу Российскую. Православный костромич во всяких обстоятельствах своей жизни обычно просит и ищет Материнского предстательства и ходатайства, заступления и помощи Божией Матери пред Ее чудотворной иконой Феодоровской. В тяжелые времена злой татарщины и междоусобного лихолетья чрез Феодоровскую святую икону Костромскому краю и через то Русской земле явлена была особенная небесная помощь. А после лихолетья, когда пред Феодоровской иконой был умолен и ею был благословлен принять царский скипетр и вступить на царский престол родоначальник царствующего Дома Михаил Феодорович, она становится посредством и знаменем благословения Божия и небесного покровительства Царицы Небесной русским царям и державе Российской и как отечественная святыня благоговейно читается всей Российской Церковью.

Но эта святыня имеет особенное значение для Костромского края. Под благодатным ее осенением образовалась костромская паства и уже полтора века пребывает святительская здешняя кафедра. Святая Феодоровская икона служит благодатным залогом и чудным знаменем благосостояния костромской паствы и костромской святительской кафедры. Молитвы благочестивых людей пред чудотворной иконой не оскудевают. И до сего дня место сие – место ежедневных молитв, непрестанное училище благочестия, училище живой веры, христианских упований и нравственного исправления людской жизни. Плотно облегает костромская паства святительскую кафедру своего архипастыря. Очи, сердца и умы православных людей обычно обращены и тяготеют к святительской кафедре. Под благодатным веянием и во благоухании Богом данной Костроме святыни костромское духовенство и костромская паства воспитали и укрепили в себе чувства любви и благоговения к своим архипастырям за их дело служения» [115].

Слово отца Павла завершилось еще одним упоминанием о главной костромской святыне:

«Всегда будем под сенью своего векового знамени, святой Феодоровской иконы, и никогда не отступим от своего архипастыря, и всегда будем верны ему. Просим вашего архипастырского благословения» [116].

Первая мировая война внесла свои коррективы во многие аспекты государственной и церковной жизни. В Костромском кремле в одном из соборных домов уже осенью 1914 года открылся лазарет для больных и раненых воинов, средства для которого выделялись духовенством и церквами города Костромы [117]. У академика А.И. Адамсона, готовившего бронзовые фигуры и барельефы для памятника в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых, начались затруднения с исполнением заказов, а Особый комитет испытывал все большую нехватку средств для финансирования работ – из-за этого сроки их предполагаемого завершения постоянно переносились, хотя доставка и установка гранита для пьедестала памятника к октябрю 1915 года была, за небольшим исключением, завершена [118]. Серьезные финансовые трудности переживало Костромское церковно-историческое общество, вынужденное отменить или сократить практически

все свои программы. А проект устройства на территории Костромского кремля большого и красивого общественного сада, по предложению костромского городского головы В.А. Шевалдышева разработанный в 1915–1916 годах главным садовником Московского сельскохозяйственного института Э.А. Мейером, остался лишь на бумаге [119].

Февральская революция 1917 года и крушение российской монархии не отозвались на Костромской земле сколько-нибудь серьезными потрясениями ни с государственной, ни с церковной точки зрения. В отличие от некоторых других регионов церковная жизнь Костромской епархии весь 1917 год протекала относительно спокойно, и в этом – большая личная заслуга епископа Костромского и Галичского Евгения, показавшего себя – особенно в сложных ситуациях 1917 года – опытным администратором, умевшим тактично (а иногда и с чувством юмора) остудить «горячие головы» так называемого «прогрессивного» духовенства и изыскать возможность компромиссов, не ущемляющих при этом интересов Церкви. В принципиальных же вопросах владыка Евгений был непоколебим. Когда в марте 1917 года Кинешемский революционный комитет общественной безопасности обвинил викарного епископа Кинешемского Севастиана (Вести) в «монархической агитации» и потребовал его увольнения на покой, епископ Евгений встал на защиту своего викария: он объяснялся с губернскими властями, писал в Святейший Синод и лично обер-прокурору В.Н. Львову, предложил вариант разрешения проблемы, а в итоге добился того, что летом 1917 года православные кинешемцы сами стали просить Синод и епархиальную власть – вернуть владыку Севастиана (тогда формально перемещенного на Макариево-Унженское викариатство) в Кинешму.

28 февраля 1917 года костромичам стало известно о революционных событиях в Петрограде, 2 марта император Николай II подписал акт об отречении от престола, а уже вечером 3 марта в Костромской духовной консистории под председательством епископа Евгения состоялось «многочисленное собрание духовенства для определения отношения духовенства к совершающемуся всенародному движению, имеющему своей целью обновление государственного строя России для оздоровления ее жизни» [120].

По итогам этого собрания владыка Евгений письменно обратился к духовенству епархии (текст обращения был опубликован в «Костромских епархиальных ведомостях»):

«Свершился великий переворот в отечестве нашем: пала императорская власть... Таковы судьбы Промысла Божия! Призываю духовенство епархии подчиниться и признать Временное правительство, взявшее по воле народа и воинства всероссийского в свои руки управление страной. Мы должны проникнуться своим долгом и действовать в согласии с врученной нам Богом паствой, всеми силами направляя ее на путь мира, порядка и, следовательно, подчинения новому правительству» [121].

10 марта 1917 года в России было объявлено «праздником свободы», и программа торжеств в Костроме предусматривала специфически церковную часть. О ней можно составить представление по протоколу заседания административной комиссии Костромского губернского объединенного комитета общественной безопасности 9 марта, где эта программа составлялась.

«Главные церковные торжества будут происходить в кафедральном соборе и в церкви Воскресения что на площадке, куда и придут войсковые части. С хорами музыки придут: к собору от 202 пехотного запасного полка, к церкви Воскресения на площадке от 88 пехотного полка и от 670 пешей Костромской дружины. В эти же церкви приглашаются и представители всякого рода учреждений. Члены объединенного комитета будут разделены для присутствия в обеих церквях. После панихиды и молебствия на площадках у вышеуказанных церквей будут произведены парады воинским частям» [122].

Судя по сообщениям прессы, мероприятие вполне удалось. 11 марта газета «Известия

Костромского Совета рабочих депутатов» писала:

«День 10 марта, посвященный памяти погибших за свободу родины, прошел в Костроме торжественно и с большим подъемом.

К часу дня площадь покрылась народом. Народ был всюду – у собора, меж рядами, против думы, на сквере. Над головами публики колыхались знамена – числом несколько десятков с самыми разнообразными надписями: "Да здравствует республика", "Долой династию Романовых", "Да здравствует Учредительное собрание" и пр[очее].

После молебнов был произнесен ряд речей. Затем публика с пением революционных песен разошлась по улицам» [123].

В «Костромских епархиальных ведомостях» был опубликован текст речи епископа Евгения, произнесенной перед молебном 10 марта (судя по всему, в кафедральном соборе). Управляющий епархией отдавал дань требованиям революционной риторики:

«Величие и мощь народного духа проявились удивительным образом: только плечом повел русский богатырь, и пали вековые оковы, исчезли все препятствия, стеснявшие его шествие по пути к свободе, солнце которой ныне во всем блеске засияло на святой Руси. Правда, там вдали на окраинах обширнейшего русского горизонта еще видны грозные отблески великой борьбы с внешними врагами... Но мы верим, что и эти последние тучи скоро исчезнут, если внутренний мир наш не будет нарушен партийными распрями, если все мы стальной стеной станем и единодушно сплотимся вокруг своего нового правительства» [124].

Однако завершалось слово вполне в церковном духе:

«... в вере православной, содержимой святой Церковью, и мы, братия, найдем и средства к водворению и утверждению всеобщего братского мира, и силы к созиданию обновленной жизни нашего Отечества.

За веру православную, за Родину с сильной закономерной властью в молитве призываем вас, братия! Аминь» [125].

Через несколько дней, 14 марта, совершалось празднование чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери, установленное в память о событиях 1613 года – и впервые это празднование проходило без царского Дома Романовых, без императора у кормила государственного правления. По старинной традиции в этот день (вторник 4-й седмицы Великого поста, когда литургии по уставу обычно не положено) литургии совершались в Богоявленском кафедральном соборе, пред ликом чудотворной иконы (богослужение здесь возглавил епископ Евгений), и в Ипатьевском монастыре, где служил епископ Севастиан.

В дальнейшем с молитвы пред чудотворной Феодоровской иконой начинались важные события епархиальной жизни – епархиальные съезды духовенства (19–25 апреля 1917 года) и духовенства и мирян (9–15 июня и 8–10 августа 1917 года). Съезд в августе начался с епархиального избирательного собрания, на котором были избраны члены Поместного Собора Православной Российской Церкви от Костромской епархии; одним из них стал настоятель костромского кафедрального собора протоиерей Павел Крутиков.

Осенью 1917 года стало очевидно, сколь обманчивы оказались еще недавно вдохновлявшие общество надежды на светлое будущее: октябрьский переворот, расстрел Московского Кремля... В последнем номере епархиального журнала (уже носившего название «Костромской церковно-общественный вестник») за 1917 год можно было прочитать такие горькие размышления:

«Сколько надежд, сколько упований каждый из нас возлагал на эту революцию! Сколько было ликований тогда! Радостными кликами "свобода", "равенство", "братство" встречен был этот переворот. Грандиозные шествия по городам и селам были выражением праздничного настроения. Почти все были убеждены, что теперь-то настанут для всех лучшие времена, будут все довольны и счастливы; что теперь-то исчезнут все нестроения в нашем отечестве и водворится настоящий, желанный для всех порядок, и наша родина, обновленная новым строем, с новыми силами, доселе кем-то подавляемыми, а теперь освобожденными, засияет блеском небывалого еще величия и мощи.

Прошло восемь месяцев после того – длинных, тяжелых, тоскливых месяцев... Что мы сделали для своей родины в продолжение этих месяцев и что сделали с родиной? Все розовые надежды лопнули, как мыльный пузырь. Свобода превратилась в дикий произвол, равенство – в тиранию солдатского штыка, братство – в междоусобную войну и войну всех против всех. И наша родина, наша великодержавная, мощная Россия – теперь бездыханный почти труп, над которым реют уже разные хищники, готовые расклевать его, рыщут звери, готовые растерзать его еще заживо» [126].

Но это было лишь начало великой российской трагедии XX века, отразившейся на исторических судьбах и «колыбели Дома Романовых» – древней Костромы, и ее главной святыни.

Примечания

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 182. Д. 2414. Л. 3.
2. РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5512. Л. 106 об. – 107.
3. Там же.
4. Там же. Л. 106.
5. РГИА. Ф. 796. Оп. 182. Д. 2414. Л. 7.
6. О праздновании дня 16 августа в городе Костроме. (Указ Святейшего Синода преосвященному Виссариону, епископу Костромскому и Галичскому, № 63) // Костромские епархиальные ведомости. 1902. № 3. Отдел I, часть официальная. С. 23.
7. Соколов В.А., священник. Описание и критический разбор рукописей, имеющих в библиотеке Костромской ученой архивной комиссии и содержащих службу и сказания о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери // Костромская старина. Выпуск пятый. Кострома, 1901. С. 199–264.
8. Там же. С. 235.
9. Радеева О.Н. Сказание о Федоровской иконе Пресвятой Богородицы в книжной культуре России XVII–XVIII веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2011. С. 14–15.
10. РГИА. Ф. 796. Оп. 184. Д. 2836. Л. 1 – 1 об.
11. Об изменении времени изнесения из Костромы Феодоровской иконы Божией Матери. (Выписка из определения консистории от 26 марта 1903 года за № 1768) // Костромские епархиальные ведомости. 1903. № 7. Отдел I, часть официальная. С. 85.
12. РГИА. Ф. 796. Оп. 184. Д. 2836. Л. 2 – 2 об.
13. Ковалева Л.А. История несуществующего памятника (строительство памятника в честь 300-летия Дома Романовых в городе Костроме) // Костромской кремль: Сборник материалов / сост. Семенова А.В. Кострома, 2018. С. 351.
14. Сырцов И.Я., протоиерей. Общество хоругвеносцев при костромском Успенском кафедральном соборе. (По поводу четырехлетия, исполнившегося 23 февраля) // Костромские епархиальные ведомости. 1908. № 2. Отдел неофициальный. С. 59–60 (возможно, в заголовке опечатка и следует читать «23 декабря»).
15. Там же. С. 61.
16. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии: Справочная книга. Кострома, 1911. С. 1.
17. Баженов И.В. Костромской кремль: Историко-археологический очерк // Костромская старина: Издание Костромской ученой архивной комиссии. Выпуск шестой. Кострома, 1905. С. 91.
18. Сырцов И.Я., протоиерей. По пути из Костромы до Галича с Феодоровской чудотворной иконой Божией Матери // Костромские епархиальные ведомости. 1905. № 17. Отдел II, часть неофициальная. С. 510–513.
19. Епархиальная хроника // Костромские епархиальные ведомости. 1905. № 13. Отдел II, часть неофициальная. С. 411–412.
20. Сырцов И.Я., протоиерей. Стенная живопись в костромском Успенском кафедральном соборе // Костромские епархиальные ведомости. 1908. № 10. Отдел неофициальный. С. 289–290.
21. Там же. С. 289.
22. Там же. С. 283.
23. Сырцов И.Я., протоиерей. Сказание о Феодоровской чудотворной иконе Божией Матери, что в городе Костроме. Кострома, 1908.
24. Там же. С. 6.
25. Сырцов И.Я., протоиерей. Костромской Успенский кафедральный собор // Костромские епархиальные ведомости. 1908. № 19. Отдел неофициальный. С. 506–507.
26. Сырцов И.Я., протоиерей. Костромской Успенский кафедральный собор // Костромские епархиальные ведомости. 1908. № 19. Отдел неофициальный. С. 501–520; № 21. Отдел

- неофициальный. С. 552–561; № 22. Отдел неофициальный. С. 581–592; № 23. Отдел неофициальный. С. 606–614.
27. Указ Его императорского величества, самодержца всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода // Костромские епархиальные ведомости. 1909. № 11. Отдел официальный. С. 190–191.
  28. Там же.
  29. От костромского кафедрального собора // Костромские епархиальные ведомости. 1908. № 22. Отдел официальный. С. 345–346.
  30. Исцеление от Феодоровской иконы Божией Матери // Костромские епархиальные ведомости. 1908. № 18. Отдел неофициальный. С. 491.
  31. IV областной археологический съезд в городе Костроме // Костромские епархиальные ведомости. 1909. № 13–14. Отдел неофициальный. С. 441.
  32. Баженов И.В. Судьбы Костромского кремля // Труды IV областного историко-археологического съезда в г. Костроме, в июне 1909 г. Кострома, 1914. С. 1–15.
  33. Подробнее см.: Зонтиков Н.А. На Святом озере // Костромская земля: Краеведческий альманах Костромского фонда культуры. Выпуск 3. Кострома, 1995. С. 40.
  34. IV областной археологический съезд в городе Костроме // Костромские епархиальные ведомости. 1909. № 15. Отдел неофициальный. С. 487–488.
  35. Там же. С. 492–493.
  36. Текст доклада см.: Голубцов А.П. Автор древней повести о Феодоровской иконе Божией Матери // Богословский вестник. 1911. Том 3. № 10. С. 364–371 (2-я пагин.). Другая публикация того же текста: Голубцов А.П. Сборник статей по литургике и церковной археологии. Сергиев Посад, 1912. С. 137–144.
  37. IV областной археологический съезд в городе Костроме // Костромские епархиальные ведомости. 1909. № 15. Отдел неофициальный. С. 493–494.
  38. Радеева О.Н. Сказание о Федоровской иконе Пресвятой Богородицы в книжной культуре России XVII–XVIII веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2011. С. 157, 179.
  39. Лебедев Д.И. [протоиерей]. История соборных храмов Феодоровского и Успенского в городе Костроме в связи с повестью о Феодоровской иконе Богоматери, краткой историей и топографией древнего города. Кострома, 2010. С. 80.
  40. IV областной археологический съезд в городе Костроме // Костромские епархиальные ведомости. 1909. № 16. Отдел неофициальный. С. 514.
  41. Сказание о явлении и чудесах Феодоровской иконы Богоматери / публ. и предисл. И.В. Баженова // Вестник археологии и истории, издаваемый Императорским Археологическим институтом. Выпуск XIX. СПб., 1909. С. 190.
  42. Радеева О.Н. Сказание о Федоровской иконе Пресвятой Богородицы в книжной культуре России XVII–XVIII веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2011. С. 295–340.
  43. Сказание о явлении и чудесах Феодоровской иконы Богоматери / публ. и предисл. И.В. Баженова // Вестник археологии и истории, издаваемый Императорским Археологическим институтом. Выпуск XIX. СПб., 1909. С. 189–190.
  44. Там же. С. 191.
  45. Прилуцкий Д.Ф. Историческое описание Богородицкого Игрицкого второклассного мужского монастыря // Семенова А.В. Игрицкий монастырь и его святыня. Кострома, 2015. С. 230. О рукописной книге старца (монаха) Филарета Рытаровского см.: Семенова А.В. Игрицкий монастырь и его святыня. Кострома, 2015. С. 90–92.
  46. Костромские монахи-книжники XIV–XX вв.: Биобиблиографический словарь / авт.-сост. О.В. Горохова, П.П. Резепин. СПб., 2015. С. 413.
  47. Распоряжение епархиального начальства. О сборе пожертвований на устройство храма в память 300-летия царствования Дома Романовых. (Выписка из утвержденного епархиальным преосвященным журнального определения Костромской духовной консистории от 2 октября 1909 года № 3034) // Костромские епархиальные ведомости. 1909. № 20. Отдел официальный. С. 496.
  48. Ковалева Л.А. История несуществующего памятника (строительство памятника в честь 300-летия Дома Романовых в городе Костроме) // Костромской кремль: Сборник материалов / сост. Семенова А.В. Кострома, 2018. С. 354–355.
  49. Там же. С. 355.

50. Цит. по: Голованов Н.В. Какой памятник и где его поставить. Кострома, 1911. С. 13.
51. Там же. С. 4.
52. Баженов И.В. По вопросу о древних списках с чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери // Костромские епархиальные ведомости. 1910. № 23. Отдел неофициальный. С. 727.
53. Там же. С. 729–730.
54. Баженов И.В. Костромские святыни – Феодоровская икона Божией Матери в Успенском соборе и Нерукотворенный образ Христа Спасителя в Спасо-Запрудненском храме // Костромские епархиальные ведомости. 1910. № 24. Отдел неофициальный. С. 753–772; 1911. № 2. Отдел неофициальный. С. 29–44.
55. Там же. 1910. № 24. Отдел неофициальный. С. 754–755.
56. Там же. С. 760.
57. Там же. С. 769, 771.
58. Баженов И.В. Московский и костромской крестный ход в Ипатьев монастырь 14 марта 1613 года // Костромские епархиальные ведомости. 1911. № 5. Отдел неофициальный. С. 139.
59. Там же. С. 141–142.
60. Зонтиков Н.А. Церковь святых мучеников Александра и Антонины в Селище в Костроме: К 230-летию возведения в камне. 1779–2009 гг. Кострома, 2010. С. 15.
61. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской Археографической комиссией. Том четырнадцатый. Первая половина. I. Повесть о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси. II. Новый летописец. СПб., 1910. С. 129–130.
62. Сказание Авраамия Палицына. М.–Л., 1955. С. 234.
63. Там же.
64. Зонтиков Н.А. Церковь святых мучеников Александра и Антонины в Селище в Костроме: К 230-летию возведения в камне. 1779–2009 гг. Кострома, 2010. С. 21–22.
65. См., напр.: Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев, по преставлении царя Иоанна Васильевича; а паче о междугосударствовании по кончине царя Феодора Иоанновича, и о учиненном исправлении книг в царствование благоверного государя царя Алексея Михайловича в 7163/1655 году. Собрано из древних тех времен описаний. СПб., 1771. С. 303.
66. Сказание Авраамия Палицына. М.–Л., 1955. С. 234.
67. [Павел (Подлипский), епископ.] Описание костромского Ипатьевского монастыря, в коем юный Михаил Феодорович Романов умолен знаменитым посольством московским на царство Русское. Составлено из подлинных монастырских бумаг. М., 1832. С. 50.
68. Островский П.Ф., протоиерей. Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестно-чтимой в императорском Доме Романовых. Кострома, 1864. С. 59.
69. Миловидов И.В. Содержание рукописей, хранящихся в архиве Ипатьевского монастыря. Выпуск первый. Кострома, 1887. С. 7.
70. См.: Баженов И.В. Где Михаил Федорович Романов с матерью инокиней Марфой нашел безопасное для себя убежище от преследований поляков в начале 1613 года? [Реферат на XV Всероссийском археологическом съезде в Новгороде] // Костромские епархиальные ведомости. 1911. № 17. Отдел неофициальный. С. 513–522; № 18. Отдел неофициальный. С. 543–552; Он же. Данные относительно пребывания царя Михаила Феодоровича Романова в Ипатьевском монастыре в начале 1613 года // Костромские епархиальные ведомости. 1912. № 14. Отдел неофициальный. С. 399–409; № 15. Отдел неофициальный. С. 435–443.
71. Голубцов А.П. Отзыв о сочинении студента священника Лебедева Димитрия на тему: «Отношение древней церкви Феодора Стратилата к Успенскому собору в городе Костроме (в связи с Повестью о Феодоровской иконе Божией Матери и топографией города)» // Журналы собраний Совета Московской духовной академии за 1911 год. Сергиев Посад, 1912. С. 252–259.
72. Коробов Б.К. [Предисловие] // Лебедев Д.И. [протоиерей]. История соборных храмов Феодоровского и Успенского в городе Костроме в связи с повестью о Феодоровской иконе Богоматери, краткой историей и топографией древнего города. Кострома, 2010. С. 5.
73. Там же.
74. Посетитель. Повременное собрание Костромского церковно-исторического общества 12 ноября // Костромские епархиальные ведомости. 1912. № 23. Отдел неофициальный. С. 698–699.
75. Там же. С. 699.
76. Там же.

77. Указ Его императорского величества, самодержца всероссийского, из Костромской духовной консистории духовенству Костромской епархии // Костромские епархиальные ведомости. 1912. № 5. Отдел официальный. С. 51–52.
78. К истории Костромской епархии. Указ 1779 года о вновь напечатанной службе Пресвятой Богородице Феодоровской и о праздновании явления Феодоровской иконы 14 марта. (Из рукописей Макарьево-Унженского монастыря) // Костромские епархиальные ведомости. 1890. № 20. Отдел II, часть неофициальная. С. 537.
79. Указ Его императорского величества, самодержца всероссийского, из Костромской духовной консистории духовенству Костромской епархии // Костромские епархиальные ведомости. 1912. № 5. Отдел официальный. С. 52. Дата и исходящий номер относятся, возможно, не к самому указу, а к выписке, направленной из консистории в редакцию епархиального журнала для публикации.
80. От Феодоровско-Сергиевского братства // Костромские епархиальные ведомости. 1912. № 13. Отдел официальный. С. 227.
81. От совета православного костромского Феодоровско-Сергиевского братства // Костромские епархиальные ведомости. 1912. № 23. Отдел официальный. С. 591–592.
82. Отчет о состоянии и деятельности православного костромского Феодоровско-Сергиевского братства за 1912 год // Костромские епархиальные ведомости. 1913. № 22. Прибавление к официальному отделу. С. 6. Поскольку отчет составлялся в 1913 году, в тексте присутствует формальная неточность (владыка Тихон был удостоен сана архиепископа лишь 21 февраля 1913 года).
83. Посещение города Костромы господином обер-прокурором Святейшего Синода // Костромские епархиальные ведомости. 1912. № 19. Отдел неофициальный. С. 571.
84. Высочайший прием депутации костромского Ипатьевского монастыря // Костромские епархиальные ведомости. 1913. № 3. Отдел официальный. С. 47.
85. Церковное празднование дня 14 марта в городе Костроме // Костромские епархиальные ведомости. 1913. № 7. Отдел неофициальный. С. 205.
86. Там же. С. 206–208.
87. Там же. С. 208.
88. Попечительство во имя Феодоровской Божией Матери при Ярославском женском училище духовного ведомства // Костромские епархиальные ведомости. 1913. № 2. Отдел неофициальный. С. 56–57.
89. Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19–20 мая 1913 года: Издание Костромской губернской ученой архивной комиссии. Составил член совета комиссии Н.Н. Виноградов. Кострома, 1914. С. 54, 58–59.
90. Там же. С. 62.
91. Там же. С. 113–114.
92. Там же. С. 116.
93. Цит. по: Баженов И.В. Годичное собрание Костромского церковно-исторического общества // Костромские епархиальные ведомости. 1914. № 12. Отдел неофициальный. С. 277.
94. Там же.
95. Там же. С. 277–278.
96. Там же. С. 278–279.
97. Там же. С. 277.
98. Там же. (Название реферата приводится в соответствии с текстом статьи, который, судя по всему, содержит опечатку).
99. Там же. С. 280.
100. Баженов И.В. Костромской Ипатьевский монастырь: Историко-археологический очерк. Кострома, 1909. С. 17.
101. Виноградова С.Г. Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь. [Кострома,] 2013. С. 43.
102. Баженов И.В. Годичное собрание Костромского церковно-исторического общества // Костромские епархиальные ведомости. 1914. № 12. Отдел неофициальный. С. 280. (Говоря о святыне, присланной царем в 1626 году, автор имеет в виду частицу ризы Господней).
103. Там же. С. 281.
104. Там же.
105. Там же. С. 281–282.
106. Там же. С. 282. Уточним, что крестный ход при встрече царской семьи в Ипатьевском монастыре

и описанный ранее крестный ход из Успенского собора в Ипатьевскую обитель – два различных события одного и того же дня 19 мая 1913 года.

107. Цит. по: Островский П.Ф., протоиерей. Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестно-чтимой в императорском Доме Романовых. Кострома, 1864. С. 66.
108. Там же.
109. Там же. С. 79.
110. Юбилейный сборник Костромского церковно-исторического общества в память 300-летия царствования Дома Романовых. Кострома, 1913.
111. Александр (Могилев), архиепископ Костромской и Галичский. Костромское церковно-историческое общество в XX веке (по материалам епархиальной печати) // Костромские епархиальные ведомости. 2008. № 1–2. С. 31–32.
112. Воскресенский Михаил, священник. Шестидесятилетие священнослужения настоятеля Борисоглебской в городе Костроме церкви отца протоиерея Алексея Васильевича Андроникова // Костромские епархиальные ведомости. 1915. № 16. Отдел неофициальный. С. 295.
113. Прощание высокопреосвященного архиепископа Тихона с костромской паствой // Костромские епархиальные ведомости. 1914. № 18. Отдел неофициальный. С. 422.
114. Там же. С. 424.
115. Прибытие в Кострому Его преосвященства преосвященнейшего епископа Евгения // Костромские епархиальные ведомости. 1914. № 20. Отдел неофициальный. С. 468–469.
116. Там же. С. 470.
117. См.: «Оказать свою помощь больным и раненым воинам» // Костромской кремль: Сборник материалов / сост. Семенова А.В. Кострома, 2018. С. 397–401.
118. Ковалева Л.А. История несуществующего памятника (строительство памятника в честь 300-летия Дома Романовых в городе Костроме) // Костромской кремль: Сборник материалов / сост. Семенова А.В. Кострома, 2018. С. 371.
119. См.: Мейер Э.А. Проект устройства общественного сада при памятнике 300-летия царствования Дома Романовых в г. Костроме. Кострома, 1916.
120. Экстренное собрание духовенства города Костромы // Костромские епархиальные ведомости. 1917. № 6. Отдел неофициальный. С. 115.
121. Евгений, епископ Костромской и Галичский. Духовенству Костромской епархии // Костромские епархиальные ведомости. 1917. № 6. Отдел официальный. С. 74.
122. Государственный архив Костромской области. Ф. 200. Оп. 2. Д. 30. Л. 77.
123. Цит. по: Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии: Сборник документов (март 1917 – сентябрь 1918 гг.). Кострома, 1957. С. 61–62.
124. Речь, сказанная преосвященным Евгением, епископом Костромским и Галичским, пред молебном 10 марта // Костромские епархиальные ведомости. 1917. № 7. Отдел неофициальный. С. 119.
125. Там же. С. 120.
126. Христианская любовь и классовая борьба. Мысли в праздник Рождества Христова, навеянные нашими общественными нестроениями // Костромской церковно-общественный вестник. 1917. № 23–24. Отдел неофициальный. С. 269.

Хронология событий XX века, относящихся
к истории чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери
(1901–1917 годы)

- 16 октября 1901 года – комитет министров принимает решение об установлении 16 августа в Костроме гражданского праздника (кроме церковного).
- 30 октября 1901 года – решение комитета министров утверждается императором.
- 1901 год – в сборнике «Костромская старина» публикуется статья священника Василия Соколова «Описание и критический разбор рукописей, имеющих в библиотеке Костромской ученой архивной комиссии и содержащих службу и сказания о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери».
- 6 марта 1903 года – Святейший Синод выносит определение (высочайше утвержденное 17 марта) о разрешении износить чудотворную Феодоровскую икону Богоматери из Костромы в Галич ежегодно не в пятницу, а в среду седмицы 3-й по Пасхе.
- Декабрь 1903 года – при костромском кафедральном соборе учреждается общество хоругвеносцев.
- 1903 год – в Костромской городской думе впервые обсуждается вопрос о строительстве в Костроме памятника в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых.
- 1904 год – главы соборов Костромского кремля покрываются позолотой.
- 1905 год – в сборнике «Костромская старина» публикуется историко-археологический очерк И.В. Баженова «Костромской кремль».
- 1905–1906 годы – в «Костромских епархиальных ведомостях» публикуются очерки протоиерея Иоанна Сырцова о перенесении чудотворной Феодоровской иконы из Костромы в Галич в 1904 году.
- 1908 год – в кафедральных соборах Костромского кремля проводятся ремонтные работы.
- 1908 год – в «Костромских епархиальных ведомостях» публикуются статьи протоиерея Иоанна Сырцова «Стенная живопись в костромском Успенском кафедральном соборе» и «Костромской Успенский кафедральный собор»; выходит из печати брошюра того же автора «Сказание о Феодоровской чудотворной иконе Божией Матери, что в городе Костроме».
- Июнь 1909 года – на IV областном историко-археологическом съезде, проходившем в Костроме, обсуждаются вопросы, относящиеся к истории Успенского собора Костромского кремля и «Сказания о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери».
- 20 августа 1909 года – в Царском Селе под Санкт-Петербургом закладывается Феодоровский государев собор (в честь чудотворной Феодоровской иконы Богоматери).
- 1909 год – в выпуске XIX «Вестника археологии и истории», издаваемого Императорским Археологическим институтом, впервые публикуется полный текст пространной редакции «Сказания о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери» (публикация подготовлена И.В. Баженовым).
- 1909 год – дается высочайшее соизволение на сбор средств для сооружения в Костроме памятника в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых.
- 1910 год – в «Костромских епархиальных ведомостях» публикуются статьи И.В. Баженова «Старый город Кострома в XVII–XVIII веках и судьбы его» и «По вопросу о древних списках с чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери».
- 1910–1911 годы – в «Костромских епархиальных ведомостях» публикуется статья И.В. Баженова «Костромские святыни – Феодоровская икона Божией Матери в Успенском соборе и Нерукотворенный образ Христа Спасителя в Спасо-Запрудненском храме».
- 1911 год – в «Костромских епархиальных ведомостях» публикуется статья И.В. Баженова «Московский и костромской крестный ход в Ипатьев монастырь 14 марта 1613 года».
- 17 июля 1912 года – высочайше одобряется проект памятника в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых, разработанный академиком А.И. Адамсоном.
- 20 августа 1912 года – совершается освящение Феодоровского государева собора в Царском Селе.
- 12 ноября 1912 года – на собрании Костромского церковно-исторического общества смотритель Кинешемского духовного училища священник Дмитрий Лебедев выступает с докладом, в котором делается предположение о постройке каменного Успенского собора Костромского кремля не в XIII, а в XV веке.
- 27 сентября 1912 года – Успенский собор Костромского кремля посещает обер-прокурор Святейшего Синода В.К. Саблер.

- 13–14 марта 1913 года – в Костроме и в Ипатьевском монастыре проходят торжества по случаю 300-летия призвания на царство и царского наречения Михаила Феодоровича Романова.
- 14 марта 1913 года – при Ярославском женском училище духовного ведомства открывается попечительство во имя Феодоровской Божией Матери для вспомоществования нуждающимся воспитанницам училища.
- 19 мая 1913 года – в Ипатьевском монастыре при участии императора Николая II и царской семьи проходят торжества по случаю празднования 300-летия царствования Дома Романовых.
- 20 мая 1913 года – император Николай II и царская семья посещают Успенский кафедральный собор; после торжественного молебна близ собора совершается закладка памятника в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых.
- 10 августа 1913 года – в Севастополе совершается освящение часовни в честь Феодоровской иконы Божией Матери.
- 1913 год – священник (впоследствии протоиерей) Дмитрий Лебедев завершает работу над магистерской диссертацией, связанной с историей чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери.
- 1 июня 1914 года – на собрании Костромского церковно-исторического общества его председатель И.В. Баженов выступает с докладом о подробностях благословения Михаила Феодоровича Романова Феодоровской иконой Пресвятой Богородицы на царство.
- 14 марта 1917 года – торжественное празднование в честь Феодоровской иконы Божией Матери впервые совершается после падения царской власти в России.